

ТУЛЬСКИЙ МАСТЕР. ДАНИЛОВ

СЕРГЕЙ
ХАРДИН

СЕРГЕЙ
ИЗМАЙЛОВ

Сергей Измайлов
Сергей Хардин
Данилов. Тульский мастер 1
Серия «Тульский мастер», книга 1

<https://litres.ru/73763282>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я управлял армиями каменных воинов, которые помогали мне расширить владения и стал императором. К сожалению крысы есть везде, в том числе нашлись и в моём окружении. Они меня и убили, чёртовы предатели. Просто они не знали, что в этом случае големы, которыми напичкан весь мой замок, в случае моей смерти уничтожат в нём всё живое. Немного даже жалко их. Кого жалко? Големов, конечно! Без хозяина и покровителя остались. Зато мне дарована другая жизнь, я переродился в теле сына крупного помещика в Тульской области и отец отправил учиться в институт в Тулу. Тульские мастера, говорите? Хорошо, говорите, а я вам покажу кто здесь мастер!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	47
Глава 4	66
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Данилов. Тульский мастер 1

Глава 1

Сам не понял, как это у меня в первый раз получилось, но я научился оживлять солдатиков. Мне тогда было восемь лет, и матушка в разговоре упомянула, что осенью я пойду учиться в гимназию.

Сижу однажды на пригорочке под деревом на территории усадьбы недалеко от дома. Лето выдалось очень жаркое, поэтому играть или как-либо по-другому проводить время на свежем воздухе возможно было только в тени.

Я потихоньку стащил у брата оловянных солдатиков, которых он у меня отнял накануне по праву старшинства и силы, сел в тенёчек по-турецки и представлял себе рыцарский турнир. Мне очень хотелось, чтобы они ожили и сражались без моей помощи, чтобы я был просто зрителем. Я поставил фигурки друг перед другом и начал сверлить их взглядом.

– Ну давайте же, деритесь! – эмоционально сказал я, потом коснулся кончиками пальцев обоих бойцов, словно подталкивая их друг к другу.

Между пальцами и фигурками проскочила едва заметная искра, от неожиданности я ойкнул и резко отдернул руки, и тут солдатики пришли в движение. Сначала я подумал, что мне показалось, просто немного перегрелся.

Два оловянных воина пошевелили руками, покрутили головой, потом глянули друг на друга и начали сходиться для схватки, как я и хотел. Моему счастью не было предела, я во все глаза следил за неторопливым обменом ударами, схватка очень медленно и лениво, но разгоралась.

Как-то само собой пришло понимание, что та самая искра дала им жизнь и я решил попробовать добавить им жизненных сил, ещё раз коснувшись неторопливо дерущихся воинов. Снова проскочила искра, солдатики на мгновение замерли, а потом сцепились в бешеной смертельной схватке.

– Давай! Давай! Бей его! – кричал я в азарте, наблюдая за ожесточённым поединком.

Солдатики мне было не жалко, я же знал, что они не смогут друг другу ничем навредить, но бой был очень зрелищным. Видимо мой несдержанный крик привлёк внимание старшего брата Николая, который проходил мимо, но до этих пор меня в тени не заметил.

– Эй, Лёшка, а ты чего там делаешь? – подозрительно по-доброму спросил он и направился к дереву, под которым я сидел.

– Да так, ничего, – пробормотал я, понимая, что он сейчас снова отберёт у меня солдатиков. Я хотел их спрятать, но так растерялся, что ничего умного не приходило в голову.

Брату уже двенадцать, он намного сильнее. К тому же два года назад он начал увлекаться кузнечным делом. В десять отец отвёл его к нашему кузнецу при мануфактуре и поручил

занять чем-нибудь сорванца, чтобы он меньше бедокурил от безделья.

– Та-а-а-к, что тут у тебя? – протянул Коля, предвкушая застать меня за интересным занятием.

Я только успел приказать солдатикам замереть, и они снова застыли в тех же позах, в каких их мне подарили. Сам своим глазам не поверил. Это выходит, что они выполняют мои приказы?

– Я же сказал тебе, дурень мелкий, что это теперь мои солдатики! – недовольно воскликнул Коля, схватив стоявшие на траве оловянные фигурки. – Мне они нужны для коллекции, а ты тут ерундой занимаешься, только испортишь!

– Но их же мне подарили! – крикнул я ему вслед, глядя сквозь искажающую реальность пелену подкативших от обиды слёз.

– Попробуй только тронь их ещё раз! – бросил брат злобно и пошёл в сторону дома.

Я так и сидел под деревом, кипя от бессильной ярости и именно в этот момент, в этом состоянии, до меня начало доходить, кто я такой. Бывшие до этого смутными видения теперь сформировались в плотный ряд и пришло чёткое осознание, что я не простой восьмилетний мальчик, а живу новую жизнь в теле ребёнка, а в прошлой жизни меня было очень трудно обидеть, мало кто мог на это решиться. А те, кто решались, потом пожалели, если остались в живых. Я сразу перестал стенать и вытер бесполезные слёзы, а на лице

в тот момент появилась злорадная улыбка.

Я попытался копнуть глубже и воспоминания о прошлой жизни навалились Ниагарским водопадом, воскрешая в памяти жизненный опыт и знания. Магическую силу я с этого дня стал ощущать вполне осознанно, теперь я чувствовал все пока ещё едва заметные потоки магической энергии в организме и чётко видел свой “источник”. Он ещё очень мал и слаб, но это не беда, я знаю, что с этим делать.

С этого дня от восьмилетнего мальчика во мне остался только внешний облик, да манера поведения, которую я старался сохранять, чтобы не выдавать себя и я неплохо вжился в роль. Зачастую мне это помогало неплохо манипулировать взрослыми, когда возникала такая необходимость, но, надо отдать должное, в целом семья была очень даже приличная, жаловаться не приходилось. И со старшим братом постепенно отношения нормализовались, но это было позже, потом, в том числе и благодаря моим усилиям, но он и сам быстро понял, что со мной выгоднее сотрудничать, чем враждовать.

В тот же день, когда пришло моё переосознание себя, те самые солдатики пропали из коллекции моего старшего брата, двенадцатилетнего Николая Митрофановича Данилова, исчезнув в неизвестном направлении. Брат перевернул мою комнату вверх дном, но так ничего и не нашёл, а я спокойно наблюдал за этим процессом, прислонившись к стеночке и скрестив руки на груди. На лице играла ехидная полуулыбка.

– Где они? – в ярости вскричал Коля, подойдя ко мне.

Моя расслабленная поза и невозмутимая улыбка взбесили его ещё больше, чем пропажа злополучных солдатиков. – Я тебя, недоносок, спрашиваю, где они?!

Я молча пожал плечами, спокойно глядя ему в глаза. У брата лицо налилось кровью, его трясло от злости и неконтролируемой вспышки ненависти ко мне.

– Я же тебя сейчас на куски порву! – закричал он мне в лицо, брызгая слюной, а я и глазом не моргнул. – Отдай их мне или я придушу тебя прямо здесь и сейчас!

– Попробуй, – скучающим тоном ответил я и, заметив, что в данный момент он не шутит, душевно приложил ему новым ботиночком по причинному месту.

Глаза у Николая попытались вылезти из орбит, дыхание остановилось, рот открывался в беззвучном крике, пока он оседал на пол, держась за ушибленное место, а я развернулся и, как ни в чём не бывало, вышел из комнаты.

Да, я понимаю, удар подлый и нечестный, но в тот момент Николай просто не оставил мне выбора. Физически брат былкратно сильнее меня, так что на моей стороне пока только хитрость, ловкость и коварство. Зато угроз моей жизни и целостности моего организма с его стороны больше никогда не было, а потом вспоминали этот момент больше с улыбкой.

С этого дня я стал вспоминать, как развивать магическую силу внутри себя и делал это ежедневно с завидным упорством, но подвижки давались очень медленно, что-то с магией в этом мире не так. Она есть, но словно какая-то дру-

гая, подчиняющаяся другим, совершенно непривычным для меня законам.

А ещё вспомнились занятия единоборствами в юности в прошлой жизни, и я начал самозабвенно тренироваться, но так, чтобы никто этого не видел, пусть и дальше считают меня малохольным сопляком, меня это пока что устраивает. Показывать свои бойцовские навыки я на людях не буду, а уж магические способности – тем более, это мой секрет, время для которого ещё не пришло.

Солдатиков в тот переломный день я действительно даже не трогал. Если быть более точным, я к ним не прикасался. Просто приказал им спрятаться в саду под тем самым деревом, где я соорудил для них под выпирающим корнем дерева временное убежище наподобие землянки. Немного позже соорудил отличный тайник у себя в комнате и больше их кроме меня долгое время никто с тех пор не видел.

Гимназию я закончил на отлично, учиться я умею, а современные достижения математиков, механиков и физиков меня интересовали невероятно. С учётом этих знаний передо мной открывались гораздо более впечатляющие перспективы, чем в прошлой жизни, но снова захватывать мир я не собираюсь, хватит, навоевались. По крайней мере пока, а дальше посмотрим, может этот мир и захватывать не при-

дётся, а он сам падёт к моим ногам.

Как я уже говорил, в этом мире магия ведёт себя, мягко говоря, по-другому. Сначала я даже подумал, что я единственный, у кого она есть. К сожалению или счастью, но это оказалось не так, значит есть у кого поучиться и что почитать, чтобы возыметь полный контроль над своими видоизменёнными способностями.

Именно развитие магических способностей меня интересовало больше всего, но соответствующей литературы в родительском доме не было, а когда я заикнулся отцу на эту тему, он сказал, что у меня, видимо, слишком много свободного времени и отправил работать вечерами на мануфактуре, за что я ему был только благодарен, но вида не показывал. Здесь я начал приобщаться к механизмам, их работе и ремонту.

По семейному плану, старший сын Николай должен был стать основным наследником и на него отец возлагал большие надежды, как на агронома и руководителя фермами, пекарней и небольшим молокозаводом. Не будем забывать и про кузню, которая стала его увлечением по жизни. Да-да, не удивляйтесь, что граф интересуется кузнечным делом, зато он знает всё с азов, чему и меня старался немного обучать.

У меня же были незаурядные успехи в точных науках (ничего удивительного, ведь в прошлой жизни изучены все возможные трактаты, какие только удавалось находить), поэтому я по совпавшему с моим семейному плану должен закон-

читать Тульский инженерный институт и заниматься развитием мануфактуры, чтобы она шла в ногу со временем и приносила семье стабильный, а ещё лучше растущий доход.

– Ну что, сын, ты готов? – спросил как-то у меня отец, войдя в мою комнату.

Хорошо, что я услышал его шаги и солдатики, наводившие порядок на моём столе, замерли.

– К чему? – задал я глупый вопрос, стараясь уgomонить сердцебиение от предвкушения долгожданных перемен.

– К учёбе в институте, к чему же ещё, – с некоторым удивлением произнёс отец. – Пришла депеша из Тулы о твоём зачислении, так что поздравляю!

– Спасибо, – сказал я, а сам сделал вид, что загрустил.

Точнее изобразил, что загрустил из-за предстоящей разлуки с домом, а внутри я ликовал. На учёбу в институте я возлагал очень большие, но несколько другие надежды, отличные от отцовских. Такие точные науки, как физика и механика мне были очень интересны, но, кроме этого, там наверняка должна быть большая библиотека и уж там-то точно будут книги и учебники по магии. Раз уж при мне оказался такой редкий дар, который я втайне старался развивать все эти годы, то я для себя делал большие ставки именно на него.

Больше, чем уверен, что магия мне очень пригодится в будущем, хоть этот мир и совсем другой, сильно отличается от прежнего. Результат моей учёбы и саморазвития сильно удивит мою родню и не только, но раньше времени об этом

лучше даже не стоит заикаться, пусть будет приятный сюрприз.

– Тогда не горюнься, утри нос и собирай чемодан, чтобы был готов к отъезду, – несколько прохладно сказал отец, он очень не любил сентиментальные моменты и старался не терять лица, порой даже стараясь излишне продемонстрировать свою строгость.

– Так учёба же ещё не скоро, – нахмурившись для достоверности, возразил я.

– Ты поедешь на месяц раньше, – уже более спокойно сказал отец. – Я договорился с двоюродным братом, Гороховым Вячеславом Ивановичем, ты его зхнаешь, который работает на фабрике, производящей сельскохозяйственные паровые машины и не только, начнёшь постигать секреты производства.

– Так какие секреты? Я же ещё даже не начал учёбу в институте! – произнёс я несколько удивлённо.

Такой расклад меня не совсем обрадовал. Так-то идея неплохая, но если я буду при деле с утра и до вечера, а моя практика вполне возможно продолжится и во время учёбы, то когда я буду изучать магию? Но отцу я этого сказать не могу. По крайней мере пока. Ладно, выход найдется из любой ситуации. К тому же во всём надо находить положительные моменты, я ведь стану ближе к действующим механизмам на гораздо более серьёзном предприятии, чем наша небольшая мануфактура.

– Зато ты выйдешь из института не просто инженером, а лучшим инженером! – с гордостью в устремлённом куда-то под потолок взгляде сказал отец, потом, мечтательно улыбаясь, вздохнул, развернулся и вышел.

– Я и так лучшим выйду, – пробормотал я себе под нос, а рот расплылся в улыбке. – Ты просто пока слишком многого обо мне не знаешь.

О том, что я живу жизнь заново, никто из окружающих даже не подозревал. Единственное что мне неоднократно говорили “умный стал не по годам”. Они просто не знают, что я старался особо не выпячиваться.

Что положить с собой в чемодан для дальней поездки шестнадцатилетние юноши из аристократических семей чаще всего понятия не имеют. И отец скорее всего думал, что я не справлюсь, но по опыту прошлой жизни, я умудрился довольно компактно сложить туда всё жизненно необходимое.

На самое дно под стопку одежды спрятались два оловянных солдатика. Теперь это мои верные помощники, за восемь лет они научились многому и неоднократно выручали меня в сложных и интересных ситуациях.

– Так, братцы, сидеть тихо и не высовываться без команды! – строго сказал я двум оловянными рыцарям, и они мирно улеглись под одеждой. – Вот теперь я готов.

Карета, запряжённая тройкой гнедых, неторопливо катилась из Елифанского уезда в центр губернии – город Тулу, славящуюся по всей Российской империи и за её пределами своими мастерами и высокими технологиями. Родители ехали в город по своим делам, а меня собирались завезти к двоюродному братцу отца, тому самому Горохову Вячеславу Ивановичу, которого я с глубокого детства, мягко говоря, недолюбливал, но, кого бы это волновало. Да впринципе я особо и не распространялся про несколько «странное» поведение родни в отношении меня. Для себя я объяснение нашёл давно – чернейшая лютая зависть, что мой отец достиг гораздо большего, живя в глубинке, нежели дядя Слава, работавший инженером на фабрике, которая ему не принадлежала.

Задерживаться у него родители не собирались, их ждали на какой-то званый ужин у губернатора, куда дядю Славу по неведомой мне, причине не подпускали и на пушечный выстрел. То есть меня оставят практически на произвол судьбы, как котёнка и барахтайся, как хочешь. Но, об этой подробности они даже не догадываются. Ну и ничего страшного, разберусь сам со всеми проблемами, жизненный опыт, особенно прошлый, мне в помощь.

Дядя Слава встретил нас милой улыбкой, в которой видно только я смог прочитать лишь лицемерие, за которым прячутся зависть и еле сдерживаемое раздражение. Чувствую, мы подружмся, но он пока об этом даже не подозре-

вает. По своему опыту знаю, что такими людьми несложно управлять, просто нужно найти правильные рычаги.

Когда родители поблагодарили Горохова за согласие позаботиться об их отпрыске и уехали, улыбку с его лица как волной слизнуло и вернулась уже привычная маска постоянного раздражения и брюзжания.

– Сам вещи дотащишь, – бросил он, словно плюнул. Потом, уже уходя вверх по лестнице, бросил через плечо: – Знаешь куда идти, не маленький, не заблудишься.

Дядя развернулся и ушёл к себе в кабинет, а я потащил чемодан и два узла с вещами на третий мансардный этаж, где обитала только прислуга и такой дорогой и уважаемый гость, как я. Ой дядя, ты даже не представляешь, на что ты нарываешься. Жаловаться я не привык, поэтому буду обкатывать мустанга без поддержки родителей.

Я спокойно отсчитывал ступеньки, успокаивая возмущенное было это. Ничего, дядя Слава, это я раньше был тихим и беспомощным, а теперь я немного другой, и ты у меня скоро взвоешь, как и все остальные нелояльные ко мне личности в этом доме. Про их совершенно неподходящее обращение к сыну графа я родителям никогда не рассказывал, вот они похоже и расслабились совсем, решив, что на мне можно продолжать отыгрываться, вымещать таким образом свою чёрную зависть к моему семейству. Я пока промолчу, но это ненадолго, а совсем скоро придёт время, и вы в ногах ползать будете, молить о пощаде. И как только у людей со-

вести на такое хватает?

Ещё один лестничный пролёт, и я перед моим временным обиталищем в мансарде. В этой комнате я уже бывал, когда родители на несколько дней приезжали в Тулу, а меня оставляли “погостить у дядюшки Славы” и порезвиться с троюродным братом. Эдик меня и встретил перед входом в комнату, больше напоминавшую каморку. Родители никогда её не видели, а я, как я уже упоминал, не жаловался.

– Вздумаешь тут выпендриваться и пытаться устанавливать свои правила, прибыю! – сказал Эдик, припечатав меня к стенке вместе с вещами. – Иди и передавай привет крысам и сверчкам, урод!

Этого придурка я мог бы прямо сейчас одним ударом сложить на пол, как вязанку дров, но пока просто не могу себе этого позволить. Опять же, это ненадолго. Да и без грубой силы обойдёмся, слишком много чести руки об тебя марать. Живи пока, Эдик. Пока.

– Кто здесь урод, мы ещё посмотрим, – спокойно произнёс я, ухмыляясь, себе под нос, когда тот спускался по лестнице что-то насвистывая.

– Че-го-о? – мерзко протянул остановившийся этажом ниже братец.

– Говорю спасибо за гостеприимство, – сказал я уже громче.

– То-то же, – бросил он и побежал дальше.

Ну ничего, дрессировкой этого бугая и не только его я зай-

мусь в скором времени, а сейчас мне надо немного обжиться, ведь теперь я в этой комнатушке застрял на более долгое время, чем на пару дней.

Первым делом я открыл чемодан, выпустил оттуда солдатики и поручил им передавать всех клопов и сверчков в комнату, лишние соседи мне не нужны. Мои верные бойцы с энтузиазмом бросились выполнять моё поручение, а я принялся раскладывать вещи по полкам, слыша то тут, то там кланье оловянных мечей и щитов, изничтожающих насекомых. Больше, чем уверен, что с крысой они тоже справятся, но на практике пока не проверял.

Большой старый шкаф проглотил все мои вещи даже не заметив, даже не икнув. Мне в его недра особо и складывать-то было нечего. По количеству вещей и не скажешь, что я сын довольно состоятельного графа Данилова. Письменный стол доживал свой век, но торжественно пообещал служить мне верой и правдой, по крайней мере первое время. На дно верхнего ящика легли пара книг, несколько тетрадей и писчие принадлежности. Всё для черчения мне предстояло приобрести самостоятельно, а за покупку новой одежды ответственность несла Элеонора Андреевна Горохова. Это официальная версия, а на самом деле пачка банкнот исчезла в бездонном кармане дяди, скорее всего безвозвратно. Пусть так, это мы тоже переживём. Пока.

Переодевшись с дороги, я спустился на второй этаж, где уже накрывали стол к ужину. Внезапно оказалось, что для

меня места именно за этим столом нет, на меня даже не рассчитывали. Ну это уже совсем беспредел. Собрав волю в кулак, сдерживая из последних сил праведную ярость, я надел очередную маску. Увидев моё нарочито удивлённое и обескураженное лицо, все довольно ухмылялись, кроме Тани, младшей дочери хозяев дома, которая всегда относилась ко мне более благосклонно, в отличие от родителей и брата. Только у неё в этот момент было испуганное и недоумённое лицо. Кажется, она даже покраснела от стыда за поступок своих родителей.

Ну и подумаешь! Испугали ежа, примерно этого я и ожидал, несколько не удивился. С другой стороны, так даже лучше будет, не придётся видеть за столом эти лица, которые мне взаимно были весьма неприятны. Я поблагодарил дядю и тётю за оказанную высокую честь ужинать в их отсутствие, после чего хихикать резко перестали. Я же широко улыбнулся, демонстративно поклонился в пояс, почти коснувшись кончиками пальцев старого паркета и направился в ту часть дома, где столуется прислуга. Надеюсь, что моё поведение горячо любимые родственнички оценили по достоинству.

Горничная уже помогала поварихе Фёкле накрывать на стол, я спокойно встал в дверях и покашлял, чтобы на меня обратили внимание.

– А вы чего это, Алексей Митрофанович, тут делаете? – удивлённо, но с нескрываемой неприязнью спросила горничная. На вид ей лет тридцать с копейкой, старательно уложе-

ны волосы и немного нелепый макияж, старается выглядеть лучше, чем есть, но получалось не очень. Зато неплохо получается нарываться на неприятности, как я посмотрю. – Вам здесь не место!

– С чего это вы так решили, любезная? – добродушно улыбаясь, спросил я, понимая, что эта набитая дура просто копирует отношение неразумного дяди ко мне. – Очень даже место, мне здесь нравится, уютненько.

Про уютненько я, конечно, загнул. Состояние помещений для прислуги хозяев абсолютно не волновало, интересовала только кухня. Хороший ремонт и кристальная чистота, чтобы в хозяйский суп не сыпались пауки и тараканы. А вот комната приёма пищи для прислуги убранством не блистала и чистотой тоже, хозяева сюда никогда не заглядывали, а горничной, видимо, было на чистоту здесь абсолютно наплевать.

– Ха, уютненько, – тихо передразнила меня горничная, имени которой я не запомнил пока. Она хотела ляпнуть ещё что-то лишнее, но встретившись со мной взглядом, резко передумала. – Идите обедать с господами в столовую, там ваше место.

– Мне с ними скучно, наблюдать за вашими склоками гораздо веселее, – равнодушно ответил я, никуда не собираясь уходить.

– Здесь не место для господ, – уже с трудом выдавила из себя горничная, сдержав в себе скорее всего другие слова,

это было видно по тому, как её лицо стало наливаться кровью.

– Рая, ты чего? – вступилась за меня белошвейка Галя, она была моложе горничной, наверно ей лет двадцать пять. Довольно симпатичная, но забитая и затюканная, но сейчас в её взгляде была решимость. – Его и так Вячеслав Иванович притесняет, так и ты ещё угля в огонь подкидываешь! Эх, достанется ему от Митрофана Иннокентьевича, когда всё это всплывёт.

– А ты вообще не лезь, где тебя не спрашивают! – чуть ли не заорала Рая на Галю. – Твоё дело вообще маленькое, строчи да строчи! Вот и иди строчи отсюда!

– Девчонки, ну хватит уже ссориться, – вступил в перепалку дядя Фёдор, конюх Гороховых. Я всё так же стоял в дверях, сложив руки на груди, и молча наблюдал за всем этим театрализованным представлением. Конюх был одним из немногих, кто мне симпатизировал изначально. – Алёша хороший парень, подайте ему ужин в комнату, раз барин дурковать продолжает.

– Ты за языком-то следи! – буркнула Рая, уже не зная, что ещё предъявить, не зайдя чересчур далеко. Да и противостоять дяде Фёдору напрямую она не решалась, он был человеком со стажем и с ним считались.

– Ты свой лучше не прикуси смотри, а то ненароком отравишься! – грозно нахмурившись, ответил горничной дядя Фёдор и покачал головой, – Фёкла, подай Алексею Митро-

фановичу в комнату, не с прислугой же барину садиться.

– Спасибо тебе, дядя Фёдор, – сказал я, улыбнувшись, – спасибо за заботу.

Рая вновь открыла рот, но в этот раз разумно решила промолчать и села на стул, повернувшись ко мне спиной, чтобы больше не встречаться со мной взглядом. Каждый раз её от него передёргивало, словно задевало за что-то живое внутри. С другой стороны – молодец, что нашла в себе силы перестать копать себе яму.

– Идите к себе, Алексей Митрофанович, – спокойно сказала Фёкла, по-доброму улыбнувшись. Даже немного виновато.

Я едва заметно кивнул кухарке, развернулся и ушёл в свои «апартаменты», над уютом в которых я обязательно поработаю без участия дядюшки и тётушки.

Фёкла принесла поднос и выставила тарелки на стол уже через несколько минут. Так и состоялся мой первый барский ужин в приветливом доме папиного двоюродного брата – в полном одиночестве, но зато без притворства и дурацких вопросов.

Ну ничего, Вячеслав Иванович, будет и на нашей улице праздник. Стучать я на тебя по-прежнему не буду, не в моих правилах, но способ донести до тебя, кто есть кто и зачем, я вскоре найду, и он тебе скорее всего не понравится.

После простого, но сытного ужина в уединении и размышлениях, я решил прогуляться. Особняк Гороховых распола-

гался на Воздвиженской, недалеко от перекрёстка с Петропавловской, а фабрика находилась на Ильинской, почти на берегу Упы. Пешком на работу идти далековато, а на бричке выйдет дороговато, цены я узнал, как только вышел на улицу. Денег на карманные расходы мне отец оставил немного, большую часть отдал Вячеславу Ивановичу “на пропитание и другие нужды юноши”, то есть они безвозвратно ушли в известном направлении. Очень сомневаюсь, что дядя будет возить меня с собой на работу, да и вряд ли он приезжает туда к восьми, как придётся делать мне. Значит буду рассчитывать на свои ноги, пока лето.

Гулять до фабрики сейчас желания не было, далековато, и я решил пока пройтись до сквера, который находился намного ближе. Уютный тёплый летний вечер, щебетание птичек и ароматы выпечки из пекарни через дорогу, умиротворяют и помогают забыть о первых невзгодах на новом месте. Я был к этому готов, но не до такой степени. Мелочи, переживём. Стоило лишь мне углубиться в сквер, как дорогу мне преградила высыпавшая из-за кустов местная шпана. Об их социальной принадлежности откровенно кричали стоптанные дешёвые штиблеты и грязные рубахи в заплатках. На их фоне я смотрелся белой чайкой среди ворон.

– Эй, богатенький, выворачивай карманы, – смачно сплюнув на асфальт, сказал тот, что немного постарше и выше ростом. Трое остальных смотрелись немного младше меня, но выглядели довольно крепкими ребятами и смотрели на

меня, как голодные волчата на куропатку.

– Не стоит так со мной разговаривать, любезный, – совершенно спокойным голосом ответил я, нарочно неприятно для собеседника выделив слово “любезный”. – Видимо вы меня с кем-то перепутали, лучше идите своей дорогой и дайте пройти.

– А то что? – спросил главарь и сплюнул в этот раз мне под ноги. – К мамке побежишь жаловаться?

Трое его сопровождающих мерзко захихикали, начали засучивать рукава и окружать меня, готовясь к драке. Ну ладно, давайте, покажите себя. Я пока стоял неподвижно, дишь присматривался к поведению моих оппонентов.

Самой большой ошибкой их было – атаковать по очереди. Им даже на ум не пришло, что основное преимущество толпы в организованном синхронном нападении с разных сторон.

Краем глаза я заметил летевший справа кулак. Я просто отклонился немного назад и резко взмахнул правой рукой вверх. Кулак пролетел прямо перед носом, а в локте у нападавшего слегка хрустнуло, после чего он взвыл и схватился за локоть, кроя меня на чём свет стоит. Примерно такая же судьба постигла остальных соратников спокойно наблюдавшего за боем старшего хулигана. Пытаться напасть на меня второй раз желания ни у кого не возникло, а я тем временем уже испытующе смотрел на главаря местной шпаны, ожидая следующего хода.

– Ты кто такой? – невозмутимо спросил он, продолжая ковырять соломинкой в зубах. Его подельники, скрипя зубами, всё же снова обступили меня, раздумывая, как бы ловчее наброситься на меня всей компанией, но он шикнул на них и они замерли, возмущённо сопя и смерив меня злобными взглядами.

– Алексей Митрофанович Данилов, – представился я. – Однако я не расслышал вашего имени, сударь.

– Гришка, – сказал главный хулиган, секунду помедлил и протянул мне руку.

Хоть это и не по статусу, но протянутую мне руку я пожал. Заиметь стратегически полезное знакомство в первый же день – большая удача. Парнишка даже не подозревает, какие планы мгновенно созрели у меня в голове, но уверен, что ему это должно понравиться.

Глава 2

Рукопожатие с Гришкой было крепким, по-мужски коротким, с лёгкой, едва уловимой проверкой на прочность с его стороны. Моя ладонь ответила ровно таким же стальным напряжением, может всего лишь на капельку больше, перебарщивать сейчас тоже ни к чему. Его шпана недовольно забормотала и заёрзала сзади, но главарь лишь цыкнул на них, и они замерли, как вкопанные. Хм, дисциплинированные, прямо как мои солдатики, по команде. В голове тут же щёлкнуло: здесь авторитет держится не только на силе, но и на реальном уважении. А это уже гораздо интереснее.

– Ну, Алексей Митрофанович Данилов, – протянул Гришка, снова водружая соломинку в уголок рта. – Видать, ты парень не промах. С такими ручками и не поверишь, что обычный барчук. Да и богатенькие при виде нашего брата обычно бьются истерикой да сами кошельки суют, лишь бы отстали. А ты..., ты какой-то неправильный богатый.

– А я пока и не особо-то богатый, – пожал я плечами, с наслаждением вдыхая ароматы летнего вечера. Воздух после дождя был на удивление свеж и сладок. – Но это только пока. Я – гость в вашем прекрасном городе. Только гость несколько сложный, что ли. Да и кошелёк мой, как ты мог уже заметить, от денег отчаянно не ломится.

Я обвёл взглядом его ребят. Сиплый, тот, что с хрипот-

цой, всё ещё потирал локоть, бросив на меня взгляд, в котором боль смешивалась с первобытной ненавистью. Двое других пялились на Гришку с подобострастным любопытством, ожидая дальнейших указаний. Стайный инстинкт в чистом виде.

– Сложный гость – это нам по вкусу, – усмехнулся Гришка, и в его глазах мелькнула живая, неподдельная искорка интереса. – Значит, и проблемы сложные бывают. А где проблемы, там и услуги наши могут потребоваться. Всё по-честному, без обмана.

В голове мгновенно, будто благодаря хорошо отлаженным шестерёнкам, щёлкнул и развернулся готовый план. На первое время мне определенно нужны были свои глаза и уши в этом городе, люди, не связанные какими-либо узами с недружелюбным семейством Гороховых. Те, кто могут незаметно узнать, достать, проследить, надавить. Своя инфраструктура.

– Весьма вероятно, что и потребуются, – кивнул я с деловой невозмутимостью, словно мы обсуждали поставку угля, а не полукриминальные услуги. – Пока только обживаюсь, осматриваюсь. Но думаю, мы найдём, о чём поговорить. Вы здесь, в сквере, постоянно базируетесь?

– Это наш участок, – с глупой гордостью выпалил один из младших, но тут же спохватился и умолк, поймав на себе косой взгляд Гришки.

– Место обжитое, – благосклонно подтвердил главарь, де-

лая вид, что не заметил глупости подчинённого. – Заглядывай, если что. Спрос не рубль, договоримся.

Он развернулся, чтобы уйти, и его пёстрая компания нехотя поплелась за ним, отряхивая свои заляпанные грязью штаны.

– Григорий! – окликнул я его достаточно громко, ну чисто по-офицерски.

Он обернулся, удивлённо приподняв одну бровь. Видимо, его полное имя здесь редко кто использовал.

– Спасибо за гостеприимство, – сказал я с лёгкой, почти дружеской ухмылкой.

Он фыркнул, махнул рукой – мол, ерунда какая, и скрылся в сгущающихся сиреневых сумерках сквера вместе со своей ватагой.

Я остался один на один с меланхоличным щебетом полусонных птиц. Первое знакомство состоялось. Первый, самый рискованный шаг в создании собственной сети был сделан. В груди приятно и тепло защемило от предвкушения будущих игр. Теперь нужно было обустроиваться на фабрике, но это уже с завтрашнего утра.

Возвращался я в особняк Гороховых уже практически в полной темноте, с неожиданно лёгким для всех первых неприятностей сердцем. Первый день в Туле, несмотря на все неожиданные неурядицы, заканчивался на удивление многообещающе. Меня ждала моя каморка под крышей, верные оловянные стражи и, конечно, новые пакости от «любя-

щих» родственников. Ну что ж, я уже был готов к радушному приёму.

Не успел я переступить порог дома, согреваясь душистым теплом старой изразцовой печки, как на меня сразу же чуть не налетела Раиска, с лицом, скривившимся от злобы, словно она откусила лимон.

– А вот и барин наш вернулся! – просипела она, упирая руки в бока так, что тётка Элеонора могла бы позавидовать такой картинной позе. – И гдей-то вы изволили пропадать так долго? Хозяйка уже не раз спрашивала! Я тут весь вечер на побегушках из-за вас, как угорелая!

Я медленно, с надменным наслаждением снял сюртук, разыгрывая спектакль полнейшей усталости и непонимания, давая ей выговориться и выплеснуть своё убогое раздражение.

– Какая ещё хозяйка? – спокойно спросил я, любуясь перекосенным лицом хозяйской подхалимки, мне это уже доставляло некоторое удовольствие, пусть себе раздражается. – У меня здесь нет хозяйки. Ты, может быть имеешь ввиду тётю Элеонору? – переспросил я с наигранной простодушностью. – И что ей от меня потребовалось, хотелось бы знать? Передать ей дословно наказ моих родителей?

– Требовала, чтобы вы явились к ней в будуар! – она почти по буквам выговорила последнее слово. – Немедленно! – горничная была вне себя, совсем страх потеряла, из её рта чуть не летели брызги, но в то же время в мозгу сработал

некий фильтр, явно же хотела высказать больше. Видимо, ей изрядно влетело за моё отсутствие. Моего прожигающего взгляда она по-прежнему старалась избегать. – А вас, как ветром сдуло! Теперь идите и разбирайтесь с ней сами, мне незачем отдуваться! И смотрите, больше никуда без спроса у них не отлучайтесь!

Одарив на прощание зарвавшуюся горничную самым проникновенным взглядом с самой невинной и невозмутимой улыбкой, какую только смог изобразить, я направился по тёмному коридору в сторону «будуара».

«Разбирайтесь сами», – эхом отозвалось в голове. Именно сам я во всём и разберусь, не переживай. Твой скорбный час не за горами.

Дверь в комнату была приоткрыта, пропуская узкую полоску тёплого жёлтого света. Я постучал, изображая почтительность.

– Войдите, – прозвучал сладкий, напомаженный голос тёти Элеоноры.

Она сидела в кресле у туалетного столика, снимая серьги. В отражении в зеркале её лицо было невозмутимо-спокойным, но в уголках глаз прятались стальные иголки.

– Алексей, милый, наконец-то. Где же ты пропадал? Мы все так беспокоились, – проворковала тётушка, не оборачиваясь.

«Мы все», – мысленно повторил я. Эдакое королевское «мы». Подразумеваю себя и своего нервного выкормыша

Эдика, наверное.

– Извините, дорогая тётушка, – сказал я, слегка потупив взгляд для правдоподобности, в идеальной позе провинившегося юнца. – Отправился прогуляться, чтобы запомнить дорогу до фабрики на завтра. Засмотрелся на город, да и не заметил, как время пролетело.

– На фабрику? – она медленно обернулась, и её брови поползли вверх с наигранным удивлением. Такое ощущение, что мы здесь пьесу в лицах разыгрываем. – Милый, да кто же тебе позволит пешком-то ходить? Это же не к соседу на чай. Кузьма тебя будет подвозить утром вместе с Вячеславом Ивановичем.

Вот это был поворот. Неожиданно... любезно. Слишком любезно. Значит, дядя Слава всё-таки немного побоялся, что я могу написать отцу о тёплом приёме? Или и тут крылся какой-то подвох?

– О! Это... очень удобно. Передайте, пожалуйста, мою искреннюю благодарность дяде, – пробормотал я, продолжая играть роль, а свою хищную ухмылку скрыл, склонив голову.

– Конечно, конечно, – она сладко улыбнулась, но глаза оставались холодными, немного недоиграла. – Бегай меньше по вечерам, всё же не ребёнок. Иди отдыхай, завтра рано вставать.

Я откланялся и вышел, чувствуя её колючий взгляд между лопаток. Да, определённо, подвох с доставкой на работу на общем фоне был. Но какой? Ладно, разберёмся. Утро вечера

мудренее.

Комнатка моя встретила меня знакомым запахом пыли и старого дерева, но без каких-либо следов клопов и прочей неуютной живности. Мои солдатики-молодцы явно поработали на славу. Они стояли на столе по стойке «смирно», и я мысленно похвалил их.

Утро началось с того, что меня разбудил резкий стук в дверь и голос Кузьмы:

– Эй, барин, вставайте! Через полчаса уезжаем! – раздражённо вещал мужчина. – А то мне потом с Вячеславом Ивановичем на Косую гору ехать.

Как “через полчаса”? Эта мысль зажуужала у меня в голове, я резко вскочил и начал одеваться. Это же надо, получается, что меня на фабрику повезут одного? Какая честь, вы только подумайте! Я быстренько умылся, оделся и решил по пути забежать на кухню, где прихватил пару пирожков только что из печи, не обращая внимания на приглушенное ворчание поварихи по этому поводу, и побежал вниз.

Проблема добраться до работы в первый же день решилась сама по себе. Подвох всё-таки был, и был он в самом Кузьме. Я запрыгнул в бричку чуть ли не на ходу. Кузьма, похожий на помятого и злого бульдога, всю дорогу ворчал, критиковал мою посадку, мой внешний вид и вообще моё

существование на этом свете. Он совершенно не задумываясь сыпал колкостями в мой адрес, равно как и в адрес дяди Фёдора, да и прочих дворовых, явно считая себя выше их по должности и по одному ему известной иерархии.

– Вы там у Мальцева в руках не плошайте, – словно ни к кому не обращаясь, пробурчал Кузьма, когда фабричные корпуса уже показались впереди. – Он таких мажоров, как вы, на завтрак с кашей уплетает. Посмотрим, сколько вы у него продержитесь.

Даже не ожидал от извозчика после всех его тирад что-то похожее на добрый совет. Прямо удивил. Видать не окончательно пришибленный, есть надежда на сознательность.

Лаврентий Матвеевич Мальцев, приказчик, оказался именно таким, каким я его себе и представлял: сухопарый, жилистый мужчина с лицом, на котором навечно, как жук в янтаре, застыло выражение брезгливого недовольства. Он встретил меня в своем закопченном кабинетике, больше похожем не на офисное помещение, а на каменный мешок. Неожиданный аскетизм для должностного лица. Возможно, это запасной вариант для бесед с простыми рабочими.

– Так, так, – он окинул меня взглядом, словно оценивая бракованный товар. – Барин прислал племянничка. На практику значит. Ну будем учить тебя уму-разуму, покажешь, на что способен. Для начала... – он ленивым движением руки махнул куда-то в сторону. – На сортировку брака, да подборку ещё пригодных деталей, а там видно будет.

Он явно ждал, что я начну возмущаться, хныкать или покажу свой барский характер. Я видел это в его глазах, он пристально смотрел на меня, ожидая любого проявления слабости, чтобы меня на этом уличить и закатать потом в брусчатку. Не дождёшься, засранец! По крайней мере пока, так как ты мне ещё нужен.

Я молча кивнул и вышел из кабинета.

Переодевшись в предоставленную мне потёртую старую робу, выдавшую далеко не одну стирку, я направился в указанную сторону на склад, где находилась груда никому не нужного железа, ожидающего своего часа для переплавки. Однако, сердце внутри меня пело. Ведь если посмотреть с другой стороны, это было идеально. Чёрная, грязная, никчёмная работа – лучшая ширма для настоящей деятельности. Все будут видеть просто наивного подростка, мажущегося в грязи. А я смогу спокойно осмотреться, изучить распорядок, потоки материалов, людей. И никто даже не подумает ко мне подойти или в чём-то заподозрить.

Груда железа казалась поначалу исполинской, но, если не начать, то ничего и не сдвинется, поэтому я особо не задерживаясь, принялся за работу, погружившись в свой внутренний мир и непрерывно озираясь по сторонам. Я составлял в голове карту фабрики. Через широко распахнутые ворота я отмечал, куда возят чугунные болванки, откуда вывозят готовые детали паровых машин. Мозг, изголодавшийся по инженерным задачам, с жадностью анализировал всё вокруг.

Но мою идиллию внезапно прервал знакомый мерзкий голос:

– Ну что, граф Демидов, металлоломом интересуешься? – с ехидством произнёс кто-то до боли знакомый. – Я так и знал, что на большее ты не сгодишься, как перебирать ржавые железяки.

Я медленно поднял голову. Напротив, уперев руки в бока, стоял Эдик. Он был в замасленной спецовке, и на его туповатом лице сияла ухмылка торжествующего хама. Видимо, он тоже где-то здесь работал и теперь чувствовал себя полным хозяином положения. Ничто так не возвышает избранных личностей, как чужое принижение. Просто он ещё не понял, что его ждёт на самом деле.

– Осваиваю азы, – спокойно ответил я, невозмутимо продолжая раскладывать ещё годные детали по ящикам. – С чего-то же надо начинать. Или ты сразу директором стал?

Его ухмылка сползла с лица, сменившись знакомым озлоблением.

– Ты что это мне зубы заговариваешь? Я тебе не дядя Фёдор, чтобы на панибратство вестись! Смотри там не перепутай, что куда, а то Мальцев тебе быстро твоё место укажет!

Он плюнул себе под ноги и, громко топая, пошёл в свой цех.

Я только усмехнулся. Дрессировка немного затянется, но вскоре произойдёт. Этот бугай не понимал ничего, кроме грубой силы, но показывать её здесь и сейчас было бы вер-

хом идиотизма, хоть для меня это и не составило бы особого труда.

С горой брошенного на произвол судьбы железа я разобрался на удивление быстро. Отыскав Лаврентия Матвеевича, спросил, что делать дальше. Он, не отрываясь от бумаг, махнул рукой в сторону угольного склада.

– Уголь возить будешь. Подносить к топкам, вместе с ломовыми мужиками. Посмотрим, сколько ты там выдержишь, барчонок.

Ещё один человек в списке на впечатляющий «гонорар». Отправлять сына графа грузить уголь? Ты в своём уме? А с другой стороны, почему бы и нет? Для предстоящих мне свершений тяжёлый физический труд просто необходим, это укрепляет волю и делает мышцы стальными. Не барское дело? А вот и не угадали!

Угольный склад. Адское, чёрное место, где воздух был густым, как кисель, от угольной пыли, которая въедается в кожу, в лёгкие, под ногти. Место, где здоровенные мужики с потными, грязными спинами молча и методично перебрасывают бесконечные горы твёрдого горючего.

Меня поставили в цепь. Мой участок – тачка. Её нужно было загрузить лопатой, откатить к топке котельной и вывалить в специальное вместилище или прямо в жерло жарко пышущей печи. А потом обратно. Снова и снова.

Первый час я думал, что умру, но ренированный молодой организм пока с лёгкостью справлялся. Мышцы горели ог-

нём, спина ныла, ладони стирались в кровь о древко лопаты. В голове, поверх боли, застучала навязчивая, злая мысль: так, я же маг! В своём мире я ворочал вещами куда тяжелее этой дурацкой тачки. Целые батальоны механических солдат – боевые големы, сокрушавшие крепостные стены, считавшиеся неприступными. А здесь... здесь я был вместо механизма сам.

Сжав зубы, я попробовал немного упростить свой труд. Не жест, не слово, а чистая сила воли, тот самый внутренний импульс, что заставлял повиноваться неживую материю. Сдвинься! Катись! Помоги мне, чёрт возьми!

Ничего. Абсолютно ничего. Тачка оставалась просто куском дерева и железа, упрямым и бездушным инструментом. Я попробовал снова, ещё упорнее, вкладывая в попытку всю ярость и злость. Внутри что-то дрогнуло, ёкнуло и погасло, словно искра, упавшая в воду. Только легкая тошнота подкатила к горлу от напрасной траты сил. Магия здесь была, я чувствовал её фоновое гудение в мире, но сейчас она не слушалась. Как будто все законы, все привычные мне рычаги были поменяны местами.

Ломовые мужики смотрели на моё напряжённое лицо с молчаливым, немного насмешливым презрением. Они ждали, когда я сломаюсь. И я бы сломался. Если бы не одно но.

Я не отступил. Просто на короткое время перестал бороться с тачкой и с этим миром. Вместо этого я ушёл внутрь себя. Туда, где теплился источник силы, тусклый и спящий,

но целый, и, самое главное, живой. Я не пытался его раскочевать, выжать из него энергию. Я просто... начал его чинить. Медленно, по крупичкам, как в прошлой жизни после тяжёлых битв. Старая, доведённая до автоматизма техника медитативной регенерации. Дышал особым образом. Не просто глубоко и ровно, а по техникам древних. Вопреки вони угля и боли в мышцах.

И чудо – оно сработало! Не так быстро, как раньше, а будто прорываясь сквозь патуку или болото, но сработало. Из глубины источника поползла тонкая, едва заметная струйка живительной силы. Она не делала меня сильнее, не заставляла тачку двигаться. Но она гасила боль, давала мышцам второй шанс, очищала голову от накрывающей ненависти.

Я снова вгрызся в свою тачку, но теперь уже не с яростью обречённого зверя, а с холодной, расчётливой решимостью механика, который нашёл временное решение для сломанного механизма. Загрузка, толчок, разгрузка, обратно. Я вошёл в ритм, подпитываемый этим тихим внутренним ручейком энергии.

А потом во мне что-то щёлкнуло. Нет, не магия. Знакомый по прошлым битвам тот душевный порыв, что позволял не чувствовать ни боли, ни усталости. Он словно стёр из мыслей мою злость на Гороховых, на Мальцева, на этого тупого Эдика, на весь этот мир, который пытался меня сломать. Я стиснул зубы и стал работать как автомат, отключая мозг и доверяя телу. Загрузка, толчок, разгрузка, обратно. Я

вошёл в странный, почти медитативный транс.

И тогда я его заметил. Пожилой мужчина с умными, внимательными глазами, который наблюдал за работой из прохода между цехами. Он не говорил ни слова, просто смотрел на меня. На мою отчаянную, злую решимость не сдаваться. Это был начальник цеха, Борис Петрович.

В его взгляде не было ни насмешки, ни презрения. Был только неподдельный интерес. Я снова упёрся в свою тачку, но теперь во мне тлела новая, совсем иная искра. Искра азарта.

Ломовые мужики, видя, что я не сдаюсь и не жалуюсь, постепенно перестали кидать в мою сторону колкие взгляды. Их молчаливое презрение сменилось таким же молчаливым, но уже уважительным безразличием. Я стал частью пейзажа, ещё одним винтиком в этом адском механизме. И в этом на данный момент была своя свобода.

Перерыв на обед был объявлен резким, пронзительным гудком парового свистка. Я прислонился к грязной кирпичной стене, чувствуя, как всё тело гудит и дрожит от непривычного напряжения. Ко мне подошёл один из угольных работяг, седой, с лицом, изрезанным морщинами и ввевшейся угольной пылью.

– Живой, мальчонка? – совершенно по-простому, на равных спросил он, протягивая мне жестяную флягу. – Прополощи глотку. Рот-то у тебя чёрный, как у трубочиста.

Я кивнул с благодарностью, которая была абсолютно ис-

кренней, и сделал большой глоток. Вода была тёплой и отдавала металлом, но на тот момент показалась мне нектаром богов.

– Спасибо, – прохрипел я, возвращая флягу. Голос был чужим, севшим от угольной пыли.

– За что? Коли от работы сдохнешь, Мальцеву придётся искать нового идиота, – работяга сказал это довольно небрежно, но во взгляде читалось одобрение и сочувствие. – Ты чего это ему поперёк горла встал? Но ты молодец, обычно такие молодые тут два часа потерпят да с визгом сбегут.

– Видимо, у меня амбиций больше, чем у них, – усмехнулся я, смахивая пот со лба и оставляя на и без того чёрном лице новую грязную полосу.

Старик хмыкнул и ушёл, оставив меня наедине с моими «амбициями», которые на текущий момент сводились к желанию выжить и незаметно для окружающих стереть в порошок пару конкретных личностей.

Обед в фабричной столовой стал новым актом испытания силы духа. Здесь ведь никто, кроме избранных личностей, не знает, кто я есть на самом деле. Пахло дешёвой капустой и салом. Рабочие толпились в очереди, получая свою порцию непонятной баланды и кусок чёрного хлеба. Я встал в хвост, чувствуя на себе любопытные и заинтересованные взгляды. Так, пожалуй, всегда бывает, когда в старый, устоявшийся коллектив залетает «новая птица».

Когда моя очередь подошла, повариха с каменным лицом

и скрипучим голосом, шлёпнула в мою миску порцию бурды и бросила хлеб.

– С тебя пять копеек, пострел, – небрежно бросила женщина.

Я замер. Денег у меня было немного, отец оставил лишь на самые крайние нужды, рассчитывая, видимо, что всем необходимым меня снабдит его двоюродный братец. Но я и не думал их брать с собой, они так и лежали в ящике, под охраной моих верных солдатиков.

– Мне Лаврентий Матвеевич ничего не говорил про плату, – с невозмутимым видом сказал я.

– А мне до восьмой звезды, что тебе Мальцев говорил! – взвизгнула она. – Не платишь – не ешь! Посторонись, не видишь, народ ждёт!

– Вы, любезная, наверно сегодня не выспались? – невинным тоном спросил я буфетчицу. – Видать всю ночь совесть грызла за все прегрешения? Вам бы надо исповедоваться сходить.

Стоявшие поблизости мужики удивлённо охнули, другие начали посмеиваться, глядя на пытающееся взорваться лицо буфетчицы. В этот момент в животе предательски засосало от голода, а в голове закипала злоба. Идеальный способ добить меня – не дать поесть даже этого адского варева после такой каторжной работы.

Снова где-то сзади раздался чей-то ехидный смешок. Эдик, кто же ещё, он стоял неподалёку с парой таких же ту-

пых приятелей и наслаждался зрелищем.

Я собрался было выдать что-то ещё про ограничение уровня её интеллекта, как вдруг чья-то рука протянула поварихе пятак.

– За него. И дай ему нормальный кусок хлеба, а не обрезки какие, – прозвучал спокойный, уверенный голос.

Это снова был Борис Петрович. Начальник цеха. Повариха моментально сменила гнев на милость, забрала деньги и даже улыбнулась ему, подкладывая в мою миску кусок хлеба побольше.

– Да я же пошутила, Борис Петрович! – сказала женщина, словно забыв про обиды. – Конечно, конечно...

Я смотрел на мастера, не зная, что сказать. Благодарить? Спросить, зачем? Он опередил меня.

– Садись есть. У меня к тебе разговор будет, – коротко бросил он и отошёл к крайнему столу.

Я молча проследовал за ним, сжимая в руках свою драгоценную миску. Мы сели друг напротив друга. Он ел быстро и молча, даже не глядя на меня, я же старался есть помедленнее, не желая показывать, насколько я проголодался. А буквально пару дней назад я и предположить не мог, что буду такое охотно уплетать.

– Руки свои покажи, – неожиданно приказал мужчина, закончив есть и отставив от себя пустую тарелку.

Я протянул ему ладони. Ссадины, волдыри, вьевшаяся грязь, всё как полагается.

– Доберёшься сегодня домой, смажь гусиным жиром, к утру заживут, – констатировал он. – Лаврентий тебя на уголь поставил?

– Так точно, – кивнул я.

– И зачем он так? Не нравится племянник инженера? – в его голосе прозвучала лёгкая, почти неуловимая насмешка.

Я немного опешил, и он тоже в курсе, кто я такой. Такими темпами не пройдёт и пары дней, как каждая собака будет знать обо мне. Хотя, что я право, мой же ближайший родственничек Эдуард всем и расскажет, причём наиболее вероятно, что далеко не в лучшем виде, а вот это не есть хорошо, но и с этим разберёмся, я свою репутацию не замараю. Я тщательно прожевал и проглотил кусок хлеба.

– Работа как работа. Не самая интересная, но необходимая. Без угля нет пара. Без пара нет работы молотов и станков. Вполне логично.

Борис Петрович внимательно посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

– Логично, – повторил он за мной. – А что для тебя интересно-то?

Я почувствовал ловушку. Сказать правду? Выдать себя? Я решил ответить поверхностно:

– Механизмы. Как всё это устроено. Как из куска руды да при помощи угля получают детали паровой машины.

Он помолчал, обдумывая мой ответ.

– После смены зайдёшь в механический цех. Спросишь ме-

ня. Покажу тебе одну штуку... логичную.

Он быстро доел, встал и ушёл, не дожидаясь моего ответа. Я остался сидеть с миской в руках и с бушующей внутри бурей эмоций. Это был шанс, первая ласточка.

Вторая половина дня прошла под знаком этого разговора. Даже бесконечные тачки с углём казались не такими и тяжёлыми. Даже появление Эдика, который прошёл мимо и ехидно поинтересовался, вкусно ли я покушал за чужой счёт, не испортило теперь настроения. Я лишь мысленно поставил ему в послужной список ещё один пунктик. Можно сказать, гвоздик для крышки.

Тем временем мой источник магической энергии настроился на нужный лад и придавал сил и терпения. Непомерно тяжёлый для любого другого отпрыска аристократической семьи рабочий день я осилил.

Когда наконец прозвучал гудок, оповещающий об окончании смены, я чувствовал себя хоть и выжатым лимоном, но вполне довольным собой. Я отыскал водоразборную колонку, смыл с рук и лица самые крупные напластования грязи и отправился в механический цех.

Просторное и относительно чистое помещение поразило меня. После угольного ада это был храм созидания. Воздух пах металлом и машинным маслом. Где-то шипел пар, где-то равномерно стучали молоты, станки гудели, вытачивая детали. Я стоял как замороженный, вдыхая этот аромат прогресса.

Борис Петрович стоял у одного из токарных станков, что-то объясняя молодому рабочему. Увидев меня, он кивком подозвал к себе.

– Вот, – он указал на лежавший на полу разобранный узел паровой машины, – регулятор давления. Штуковина капризная. Вечно клинит. Инженеры чертежи делали, расчёты, а он всё равно клинит. Говорят, металл для пружины не тот выбрали. А по-моему, дело в конструкции. Взгляни-ка.

Это был тест. Чистой воды проверка. Я подошёл ближе, совершенно забыв об усталости. Мой инженерный мозг, долгое время пребывавший в спячке, с жадностью набросился на эту задачу. Я повертел в руках детали, осмотрел их, представил себе мысленно чертёж.

– Люфт, – сказал я наконец. – Здесь, в месте соединения штока и коромысла. Минимальный, но его достаточно. Из-за вибрации он увеличивается, шток перекашивается, и его заклинивает. Надо или уплотняющую втулку ставить другого сплава, или вообще перепроектировать узел, убрав этот шарнир.

Я поднял глаза на Бориса Петровича. Он смотрел на меня не с насмешкой, и даже не с удивлением. Он смотрел на меня с тем самым неподдельным, профессиональным интересом, который я видел утром.

– Люфт, – медленно повторил он за мной. – А инженеры-то наши... они это не видят. Им на бумаге красиво начерчено, и ладно. Хорошо, Алексей Митрофанович. Иди от-

дыхай. Завтра поговорим с Лаврентием. Надеюсь, что на угле ты своё уже отработал.

Отработал. Какое сладкое слово. Буду надеяться, что мнение начальника цеха хоть что-то стоит на этом производстве.

Следующей остановкой на моём пути к цивилизации была фабричная «душевая». Это громкое название носил забетонированный угол цеха с ржавым баком под потолком и несколькими вентилями на стене. Рядом, к счастью, проходили трубы с горячим паром, так что вода в баке была не ледяной, а чуть тёплой – высшая форма местной роскоши.

Увы, я был новичком и не знал местных распорядков. Пока я соображал, куда идти, к вентилям давно уже выстроилась очередь из бывалых работяг, которые с шутками и брабantly смывали с себя наслоения фабричной жизни. Я пристроился в хвост, терпеливо ожидая своей участи.

Когда моя очередь наконец подошла, из вентиля с жалобным шипением ударила тоненькая, робкая струйка воды, по диаметру меньше, чем мой мизинец. Она была едва тёплой и тут же растекалась по грязному телу, даже не успевая как следует его намочить. Пришлось проявлять чудеса изобретательности: сначала намочить огрубевшие ладони, растереть по лицу, потом пытаться подставить под скудные капли плечи и спину.

Мылся я быстро, по-солдатски, стирая с кожи не столько грязь, сколько её верхний, самый заметный слой. Что ж, к лишениям мне было не привыкать, в самом начале своего

прошлого героического пути я был тем ещё аскетом, ночуя прямо в кузне, довольствуясь слабым теплом остывающего кузнечного горна.

Наскоро отряхнувшись и натянув свою чистую рубаху, я снял с крючка сюртук и побрёл к проходной, чувствуя себя если и не человеком, то хотя бы его подобием. И как раз вовремя, чтобы увидеть, как бричка Гороховых, запряжённая парой гнедых, с ленцой трогается с места и направляется к воротам.

Ждать меня, ясное дело, никто не собирался. Но вот уехать так откровенно, даже не сделав вид, что ищут глазами запоздавшего родственника – это было даже для Горохова чересчур нагло. Видимо, мой «воспитательный процесс» был возведён в абсолют. Зря ты так, но ладно, твой час ещё не пришёл.

Глава 3

Ад угольных складов и раскалённых печей остался позади, а впереди – целых полчаса неторопливого пешего пути до невероятно гостеприимного особняка дядюшки. Зато есть и плюсы – никакого Кузьмы с его нескончаемыми колкостями и ворчанием. Одно только это осознание заставляло меня идти, расправив плечи, несмотря на ломоту в мышцах и въевшуюся в кожу угольную пыль.

Что ж, даже сам воздух Тулы к вечеру преобразился. Резкие запахи угля и раскаленного металла, царившие днём, уступили место более мягким, бытовым ароматам. Из открытых дверей пекарен тянуло душистым теплом только что испечённого хлеба. Где-то жарили мясо, и этот запах заставлял предательски сжиматься вновь опустевший желудок. Город сменил ставший за день уже привычным грохот машин на более спокойный вечерний гул – стучали подковы по мостовой и каблучки красавиц, перекликались извозчики, смеялись где-то женщины, доносились обрывки разговоров.

Я не спеша шёл по улице, поглядывая на лавки, ещё не успевшие закрыться. Аптекарь с важным видом расставлял склянки в окне своей полутёмной, пропахшей травами и химией, лавчонки. Мир вращался вокруг своих мелких, но таких важных для его обитателей дел. И я, реинкарнированный волею неба, был всего лишь частью этой машины, вин-

тиком, возвращающимся после смены в свою скромную корбочку, то есть каморку.

Именно в этот момент мои размышления прервала суета возле булочной. Какая-то девушка, очевидно торопясь, неудачно зацепилась туфелькой за выбоину в мостовой и, с легким вскриком, растянулась во весь рост. Из её корзинки высыпались яблоки, хаотично раскатившись чуть ли не по всей улице.

Рыцарский долг, а может врожденное джентльменство, не смогли оставить меня безучастным. Девушка успела подняться самостоятельно, а я ринулся в погоню за убегающими фруктами, опередив пару местных мальчишек, уже успевших сориентироваться и начать свою охоту. Через пару минут, слегка запыхавшись, я вернулся к смущённой, покрасневшей до корней волос девушке и протянул ей полную корзину.

– Кажется, всё собрал, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал мягко и не напугал её и без того ошеломленную.

Она была чуть старше меня, пожалуй, лет восемнадцати, с тёмными, собранными в хвост волосами и большими, полными смущения глазами. Её платье было простым, но чистым, а в чертах лица читалась породистость, странно контрастирующая с её нынешней ролью посыльной.

– Благодарю вас, сударь, – прошептала она, почти выхватывая корзину и глядя куда-то мимо моего плеча. – Я... я очень спешу, извините.

И, не дав мне сказать ни слова в ответ, она развернулась и пулей помчалась прочь, словно за ней гнался сам дьявол.

Я проводил её взглядом, с иронией отметив про себя: «Ну конечно. В прошлой жизни меня боялись тираны и уважали маршалы. А в этой я пугаю девиц одним лишь видом. Или, может, дело не во мне, а в чём-то другом?» Я посмотрел на свои погрубевшие, в царапинах и следах угля руки и слегка потрёпанную, хотя и чистую одежду. Со стороны я был всего лишь простым заводским работягой, который по неизвестной причине оделся, как почти разорившийся барин.

“С такими руками на виконта слабо похож”, – подумал я, и с усмешкой добавил, – “А всё-таки девушка была определенно очаровательна”.

Шестнадцать лет... В этом есть свои прелести, и свои сложности.

Насвистывая несложный мотивчик, я продолжил шагать по направлению к дому, миновав булочную, чьи ароматы не могли оставить никого равнодушным.

Я присел на грубую деревянную скамью у входа в небольшой сквер, не столько давая ногам передышку (молодое тело только начинало наливаться силушкой удалецкой), сколь оттягивая тот момент, когда я снова переступлю порог дома моих дражайших родственничков. Закрыв глаза, я вдыхал вечернюю прохладу, пытаюсь вытеснить из легких угольную пыль. Усталость тяжёлого дня уже начинала валить с ног, и

сознание подернулось дымкой, где граница между реальностью и памятью истончилась до предела.

И вдруг я уже оказался не на скамейке в Туле. Воспоминание нахлынуло внезапно, сокрушительной волной, вырвавшей меня из моего настоящего.

Воздух вокруг был тяжёлым, пропахшим гарью, кровью и смертью. Темнеющее осеннее небо над головой, почти полностью затянутое дымом и чёрными тучами, пылало багровыми отсветами пожаров, не чета мирному летнему, под которым я только что был. Грохот стоял такой, что он ощущался не только ушами, но и всем телом, до того сильными были вибрации.

Я стоял на импровизированном командном пункте – бронированной платформе моего флагманского голема, «Воеводы». Высота в пятнадцать метров делала меня отличной мишенью, но давала и бесценное преимущество в обзоре. Поле передо мной было уже не просто полем, а адским конвейером по уничтожению. Некогда идеально ровная просторная равнина была испещрена траншеями и редутами противника, а её поверхность сейчас была словно живой от шевелящейся на ней массы.

То была последняя, решающая атака. Моя атака. Целая армада моих творений, боевых големов, неудержимым приливом катилась на вражеские укрепления. Да, они не были изящны. Я создал их из того, что имелось под рукой – из камней и глины. Вместо глаз – магические сенсоры, которые

искрились адским рубиновым светом. Они двигались не аккуратным строем, а живым, бурным, постоянно меняющимся потоком, как муравьи, подчиняясь сложным алгоритмам, которые я вложил в их ядра.

Вот «молотобойцы» – широкие, массивные, с огромными кулаками-кувалдами, методично добивали остатки вражеских баррикад. Каждый удар отдавался глухим стоном из недр самой земли. Рядом, словно пауки, проносились «скакуны» на своих шести длинных деревянных конечностях, калеча и уничтожая любое сопротивление.

Но венец моего творения, «Воевода», на котором я стоял, был другим. Я вложил в него очень много сил и частичку своей души. Он не бежал впереди, ведь он был словно дирижер этой симфонии разрушения. Мой разум был подключен к нему напрямую, я не отдавал устных команд, лишь думал о перемещениях, о флангах, о точках приложения силы, а «Воевода» мгновенно транслировал мою волю в боевые протоколы для всей армии.

Внезапно с вражеской стороны взметнулся в небо ядовито-зеленый сгусток энергии – залп их элитной магической артиллерии. Он был нацелен прямо на мой командный пункт. Расчётное время до попадания примерно три секунды, вряд ли больше.

Я не закричал, какой смысл от подобной суеты, если мысль, как электрический разряд, в мгновение доставила мою команду войску.

– Щит. Полное закрытие на семь часов, угол сорок пять.

Два ближайших к «Воеводе» голема-«щитоносца», массивные, как крепостные башни, синхронно рванулись вперёд. Их бронированные ноги врезались в грунт. С их спин взметнулись пластины ослепительно-белой энергии, слившись в единый барьер как раз в тот миг, когда зелёный смерч обрушился на нас. Мир взорвался сполохами света и оглушительным рёвом. Барьер дрогнул, но выдержал, осыпав землю дождем искр.

Ни один из «Щитоносцев» не сдвинулся с места, да и не с чего. Они были просто инструментами. А я – рукой, что их направляла. В тот момент я не чувствовал страха, только холодная уверенность мастера, видящего, что его творение работает безупречно. Я был практически богом на этой окровавленной равнине и моими слугами были машины.

Громкий окрик ямщика с пролетевшей мимо повозки резко выдернул меня из несвоевременной дрёмы, словно вернул из прошлого.

Я снова сидел на скамейке. Сердце колотилось как бешеное, в висках стучало. Я сжал кулаки, чувствуя под пальцами не гранитные перила смотровой площадки, а шершавое, грязное дерево скамьи. Перед глазами ещё стояли отсветы сражения, но в ноздрях уже был лишь запах пыли и хлеба.

Глубокий вдох. Выдох. Руки дрожали. Эта воспоминание было не просто картинкой. Оно было не менее реальным, чем всё, что окружало меня сейчас. Какое-то время я снова

был тем, кем был – повелителем машин, инженером победы.

А потом я посмотрел на свои замызганные руки, на не первой свежести штаны и стоптанные ботинки. И горькая, ядовитая усмешка сама собой вырвалась наружу.

– Инженер победы... А теперь почти такой же голем по разному угля. Каков взлёт, и каков прилёт.

Этот внутренний сарказм стал моим новым щитом. Но под ним уже тлела искра, искра от того самого адского пламени, что пылало в недрах моих големов. Искра, которая напоминала: всё это – лишь временно, всё это – только начало.

Я поднялся со скамьи и потянулся, чувствуя, как усталость отступила перед адреналином, выплеснувшимся от столь ярких воспоминаний. Хорошо. Очень хорошо. Пусть сознание помнит.

А впереди, на той же улице, я заметил группу молодых людей в дорогих щегольских сюртуках. Они смотрели на меня с тем особым, брезгливым любопытством, с которым смотрят на что-то незнакомое и неприятное. Ухмылка сама собой застыла на моих губах.

Эхо прошедшей битвы еще гудело в жилах, окрашивая реальность в кислотные тона. Я шёл, ощущая себя волком, случайно забредшим на чужую территорию. И, как положено в таких случаях, местные шавки сразу учуяли чужака.

Группа из пяти-шести молодых людей в сюртуках, с галстучками и в начищенных до зеркального блеска ботинках, неспешно прогуливалась посередине относительно уз-

кой улочки, занимая почти всё пространство. Они громко смеялись, обсуждали им одним известные проблемы на непривычном языке, в котором сквозила привычка быть хозяевами жизни.

Я попытался было обойти их, прижавшись к стене, чтобы не провоцировать почём зря, но в этот момент один из них, высокий, светловолосый, с худощавым, нервным лицом и слишком уж надменным взглядом, резко сделал шаг вперёд, попутно наступая мне прямо на ногу. Удар каблуком по пальцам стопы был весьма болезненным.

– Ай! – он вскрикнул так, будто это именно он пострадал, и резко обернулся. Его глаза, холодные и серые, смирли меня с ног до головы, задержавшись на довольно простой одежде и замызганных руках. – Смотри куда прёшь, быдло! Новую туфлю испачкать изволил!

Внутри меня всё закипело. Не ярость, нет. Скорее, такое знакомое по прошлой жизни презрение к такой дешёвой, примитивной попытке самоутверждения. Я всмотрелся в его блестящую пряжку с каким-то гербом, но мне это ни о чём не говорило.

– Интенсивность вашего возмущения многократно превышает степень загрязнения подошвы, – глядя ему прямо в глаза, спокойно произнёс я. – Советую перенаправить скудную мыслительную энергию на контроль траектории собственного движения. Если для вас эта формулировка слишком сложна, выражусь по-простому, смотри куда прёшь, ва-

ленок!

На пару секунд воцарилась тишина. Его спутники не сразу поняли, что их лидер, он же «валенок» (я тут же мысленно окрестил его именно так), только что был унижен. А когда поняли, их вытянутые физиономии исказились от возмущения.

– Что?! – фыркнул “валенок”, делая шаг ко мне. От него пахло дорогим одеколоном и вином. – Ты, угольное отродье, как ты смеешь со мной так разговаривать?

– Уголь – полезное ископаемое, – парировал я, не отступая ни на шаг. – Основа промышленности. А вот твоя пустая болтовня... она не доказывает ничего, кроме необоснованности завышения собственной значимости в воображении болтуна.

Это было уже слишком. Лицо парня побагровело. Он был явно не из тех, кто привык, чтобы ему отвечали в таком духе. Особенно так язвительно.

– Заткни свою чёрную пасть, деревенщина! – прошипел он, и его приятели, почуяв назревающую драку, начали неспешно, но уверенно окружать меня. В их глазах читалось не столько злорадство, сколько скучающее любопытство: «Как мы сейчас будем мутузить этого работягу?»

Я мысленно оценил обстановку. Шестеро на одного. В теле шестнадцатилетнего, пусть и тренированного, шансы были невелики. Надежды на магию особо не было, механика её работы в этом мире была пока для меня тайной. Был конеч-

но вариант применения ряда приемов, в голове уже всплыла некая техника наёмников-убийц из моего прошлого, но это должен быть самый последний аргумент. Часть ударов из этого арсенала смертельны, а убивать или пускаться даже калечить этих напыщенных индюков, да при свете вечерних фонарей посреди города – такая слава мне точно пока была не нужна, поэтому бить надо больно, но аккуратно.

И тут, словно по мановению волшебной палочки, с противоположного конца улицы раздался резкий, пронзительный свист. Все, включая меня, разом повернули головы.

Из переулка, лениво переваливаясь с ноги на ногу, вышла знакомая компания. Впереди, с соломинкой в зубах, шёл Гришка. За ним – Митька, Женёк и Сиплый. Они не проронили ни слова, просто стояли в полный рост, руки в карманах, и смотрели. Молча. Но в их позах, во взглядах читалось столько немой, уверенной угрозы, что воздух на улице сгустился моментально.

«Чистоплюи» замерли, как терракотовые изваяния. Их уверенность испарилась, сменившись настороженностью, граничащей со страхом. Они были бойцовскими петухами в своём курятнике, но здесь, на этих улицах, сейчас появились настоящие ястребы.

Вожак, всё ещё багровый от злости, перевёл взгляд с меня на Гришку и обратно. Он уже понял, что расклад сил изменился кардинально.

– Ты... мы ещё встретимся, – выдохнул он, глядя на ме-

ня с такой ненавистью, что, казалось, затрещал воздух. – Запомни, пададь, ты за это ответишь!

Он что-то буркнул своим приятелям, и вся группа, стараясь сохранить остатки достоинства, но, по сути, ретируясь, быстро зашагала прочь, растворяясь в вечерних сумерках.

Я перевёл дух и повернулся к Гришке и его ребятам. На их лицах заиграли ухмылки.

– Ну что, барчук, – протянул Гришка, вынимая соломинку из рта. – За словом, я смотрю, в карман ты не лезешь. Это дорогого стоит, мы такое уважаем.

Я кивнул, чувствуя, как адреналин понемногу отступает.

– Спасибо за подмогу. Не думал, что моя вечерняя прогулка выльется в такие... дипломатические переговоры.

Гришка фыркнул.

– Да мы сначала просто с парнями стояли, спорили, как ты выкрутишься. Думали, или сдуешься, или в морду дашь. А ты им красиво так, по-барски, языком подрезал. Здорово. Вот только учти, что это Аркадий Меньшиков с друзьями, частенько тут ошиваются, ищут к кому прицепиться.

– Мне должно что-то сказать это имя? – развёл я руками.

– Точно, совсем забыл, что ты только приехал, – кивнул Гришка, – как бы тебе сказать, его папенька один их местных воротил, во многие кабинеты без стука вхож. А сынок евовный, как ты сам видишь, скотина редкостная, пользуется благоволением отца, вот и мешает жить простым людям. Поперек ему слово сказать боятся, папенька и правда может

много крови попить.

– А что же они ретировались? – Удивленно спросил я, – раз они местная элита?

– Так это супротив «чистеньких» работает, – заржали ребята, – для тех, кто печётся об имени своём да за должность, сверху даренную. А мы к этой братии не относимся, нам на статус начхать.

Мы ещё немного постояли, обменявшись парой фраз. Я пообещал, что моя благодарность не ограничится словами. Они кивнули и, посвистывая, пошли своей дорогой.

Я же, оставшись один, посмотрел в ту сторону, где скрылся Аркадий. В душе остался неприятный осадок. Что-то подсказывало, что эта стычка была лишь началом. И следующая наша встреча вряд ли закончится лишь колкостями и свистом из переулка.

Но сейчас мне нужно было домой. Меня ждал ужин, моя каморка и, вероятно, новые сюрпризы.

Проводив глазами удаляющиеся спины Гришки и его ребят, я почувствовал странную смесь благодарности и досады. Благодарности – за своевременное появление. Досады – что оказался в роли того, кого защищают. В прошлой жизни я сам был крепостью, а теперь напоминал форпост, требующий подкрепления.

“Ничего”, – успокаивал я себя. – “Пока я кажусь слабым, у меня есть пространство для манёвра. А там посмотрим, кто кого”.

Оставшаяся дорога до особняка Гороховых пролетела быстро, в размышлениях о том, как выстроить оборону и где собрать ресурсы для контратаки. Дом встретил меня тем же подчёркнутым безразличием. Никто не вышел на порог, не поинтересовался, как дела на фабрике. Я был словно человек-невидимка, ну или, на крайний случай, неуловимый некто, который неуловимый именно потому, что даром никому не встрял.

Пахло жареным луком и тушёной капустой. Последовав за запахом на кухню, я увидел, как за большим деревянным столом сидели Фёкла, дядя Фёдор и Галя. Раисы, к моей радости, не было видно.

– А, Алексей Митрофанович, – кивнула Фёкла, раскладывая ужин по тарелкам. – Я сейчас вам накрою в вашей комнате. Думала, вы опять где-то блуждать до поздна будете.

– Работа, Фёкла Петровна, работа, – ответил я, пожелал всем приятного аппетита и отправился в комнату.

Я отворил дверь в каморку и замер.

Бардак. Бессистемный, злой бардак, вот чем меня встретила моя комната. Матрас с кровати был сброшен, одежда из шкафа разбросана по полу, содержимое ящика стола вывалено в кучу. Это не было обыском. Это было чистым вандализмом. Актом унижения, здесь, в моём единственном убежище.

Первой мыслью были солдатики. Даже деньги были не так важны, как они... Я рванул к столу, к тому самому ящику,

где они лежали. Пусто. Сердце на мгновение упало. Неужели...

И тут послышался лёгкий, почти неразличимый скрежет. Я замер, прислушиваясь. Звук доносился из-под кровати. Я медленно присел на корточки.

Из-под запылённой кровати, как диверсанты из засады, вышли мои оловянные солдатики. Они встали передо мной, и тот, кого я в шутку называл «сержантом», отдал мне воинское приветствие, а затем отчаянно замахал рукой в сторону двери, изображая нечто большое и неуклюжее.

Потом он провёл рукой по шее в универсальном жесте «казнить нельзя помиловать», поставив мысленную запятую точно после «казнить». Эдик, это явно был он.

Они не просто спрятались от этого вредителя, а утащили с собой и мои сбережения, аккуратно сложенные в маленький мешочек, который «сержант» теперь торжественно вытаскивал из-под кровати. Я взял его, чувствуя комок в горле. Вот ведь молодцы! Два куска олова оказались умнее и преданнее иных людей.

– Спасибо, ребята, – прошептал я. – Вы лучшие стратеги и тактики в этом доме.

Я практически рухнув на стул. Усталость накатила на меня с новой силой.

Фёкла не заставила себя долго ждать, но еду всё же подогрела. Тарелки мягко опустились на стол и кухарка тут же удалилась, так ничего и не сказав про царивший в комнате

бардак.

Я ел молча, слушая обрывки фраз и событий, крутившихся в моём сознании. В голове уже строились планы: проверить солдатиков, заняться медитацией, чтобы восстановить силы после сегодняшних всплесков магии и эмоций.

Спускаясь вниз за водой, чтобы смыть пыль и горечь с горла, я столкнулся на лестнице с самим «виновником» бардака в моей комнате. Эдик, цветущий самодовольной ухмылкой, преградил мне дорогу.

– Ну что, Лёшка, хорошо устроился? – спросил он, сладко потягиваясь. – Всё ли на месте? А то у нас по ночам неспокойно, мыши, понимаешь, шалят.

Я посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом. Я видел, как его ухмылка стала подрагивать, не выдерживая этого взгляда.

– Мыши, – медленно проговорил я, – существа хитрые, но глупые. Лезут, куда не следует, портят вещи. И всегда попадают в расставленные капканы. Рано или поздно.

Я не стал ждать его ответа, просто прошёл мимо него, чувствуя, как его взгляд впивается мне в спину. Вопросов не было, всё было и так ясно. Я мог бы сейчас ударить его очень больно, чтобы его скрутило в бараний рог, но слишком много чести для него и много ненужного шума потом. Но в голове, как щелчок взведённого курка, чётко и ясно прозвучало: «Всё, пацан, твой черёд подходит».

Поднимаясь обратно, я уже не чувствовал усталости. Во

мне горел холодный гнев инженера, который видит неисправный механизм и уже знает, как его починить. Или демонтировать. Окончательно.

Но сначала нужно было навести порядок в своём единственном плацдарме.

Вернувшись в свою каморку с кружкой воды, я с новой силой ощутил весь масштаб «творчества» Эдика.

«Ну что ж», – мысленно вздохнул я. – «На войне как на войне. Сначала восстановление контрольной точки».

Я принялся за работу, двигаясь методично, как автомат. Поднял матрас, сложил одежду, собрал разбросанные безделушки. И тут ко мне присоединились мои верные оловянные солдатики. Это было удивительное зрелище. Они не просто помогали – они работали как слаженная команда. Сначала тащили мой носовой платок, превратив его в импровизированную волокушу для мелочей. Потом один, зацепившись за нитку, как за альпинистский трос, спустился под кровать и выкатил оттуда пинками закатившийся карандаш.

Я наблюдал за ними, и на душе стало чуть светлее. «Вот она, истинная магия, – подумал я. – Не в том, чтобы сокрушать стены, а в том, чтобы заставить олово служить тебе с такой преданностью».

Когда порядок был наведен, я окинул взглядом свою обитель. Чисто, но до тошноты уныло. Голые стены, простая кровать, грубый стол. Монашеская келья, и то уютнее. Ждать помощи от Гороховых в обустройстве быта было бы наивно-

стью, граничащей с идиотизмом. Значит, всё в моих руках.

Мой взгляд упал на дверь в дальнем конце мансарды – ту самую, что вела в заброшенный чулан. Если уж в этом доме и были хоть какие-то сокровища, то только там, в царстве пыли и забвения.

Дверь открылась с неохотным скрипом, выдавшим свою давнюю заброшенность. Воздух внутри был густым, спёртым и пах стариной, сухим деревом и умершей от переедания молью. Лунный свет, с трудом пробивавшийся через запылённое слуховое окно, выхватывал из мрака груды хлама: сло-манные стулья, свёртки пожелтевших обоев, какие-то ржа-вые железки, рваный зонт.

Я начал осматриваться, двигаясь осторожно, чтобы не поднять пыльный ураган. Большая часть вещей была безнадёжна. Но потом, в самом углу, я увидел его. Массивный, окованный почерневшими от времени железными полосами сундук. Он больше был похож на гробницу какого-нибудь забытого бога. Сверху на него были навалены мешки, судя по тяжести, с гравием или углём, а поперёк крышки лежала тяжёлая дубовая скамья.

Сердце забилося чаще. Не то чтобы я верил в сказки о сундуках с сокровищами, но... Жилка авантюризма, присущая любой технической интеллигенции, зашевелилась внутри. Что, если?

Попытка сдвинуть скамью вызвала громкий скрежет и приступ кашля у меня. Я замер, прислушиваясь. Ничего. Ви-

димом, все уже спали. Осмотрев сундук, я понял, что полностью открыть его не смогу. Но... крышка была слегка перекошена, и с одного угла зияла щель, шириной может в несколько сантиметров.

Это был словно вызов. Я просунул руку в щель, по возможности расширив её, чувствуя, как шершавое дерево цепляется за рукав. Внутри было пусто и пыльно. Я водил пальцами по дну, и вдруг кончики пальцев наткнулись на что-то плоское и твёрдое, обёрнутое в грубую, полуистлевшую ткань.

В тот же миг на лестнице, ведущей на чердак, чётко и громко прозвучал скрип ступеньки.

Адреналин ударил в голову. Я дёрнул руку, едва не застряв, и, прижимая свою добычу к груди, пулей вылетел из чулана в свою комнату, бесшумно прикрыв за собой дверь. Я прислонился к ней спиной, затаив дыхание и слушая. Шаги прошли мимо. Пронесло.

Только теперь я разглядел свою добычу при свете керосиновой лампы. Это была книга. Небольшая, в твёрдом переплёте из потемневшей, потрескавшейся кожи. Тиснение на обложке почти стёрлось, я с трудом разобрал слова: «О СВОЙСТВАХ МАТЕРИЙ И ВНУШЕНИИ ВОЛИ».

Я осторожно открыл её. Страницы были жёлтыми, хрупкими, чернила местами выцвели, но текст вполне читаем. Я пробежал глазами по первым строкам. Это не были заклинания. Это была сухая теория, общие принципы. Рассуждения

о том, как разные материалы такие как глина, металл, дерево проводят и удерживают «эфирный импульс», о резонансе между волей оператора и структурой материала.

Я откинулся на спинку стула, и по моей спине пробежала дрожь, не имеющая ничего общего с холодом мансарды. Это было оно. Конечно, это не инструкция «как сделать голема за три шага», а теоретический материал, ещё и написанный вычурным старинным языком, но это уже было хоть что-то.

“Значит, я не один”, – пронеслось в голове. – “И раз подобное издали, значит магия и правда есть в этом мире. И раз кто-то уже думал об этом, то другой уже, возможно, и систематизировал”.

Это полностью меняло всё. Значит мне следует не полагаться лишь на собственное наитие да интуицию, а стоит поискать более предметный учебник.

Я погасил лампу и лёг в постель, но сон не шёл. Перед глазами стояли формулы и схемы из книги, смешиваясь с планами мести Эдику и лицом насмешливого Аркадия Меньшикова. Но стоило мне снова мысленно вернуться в ту батальную сцену моего триумфа, как я провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава 4

Ещё до первых петухов, когда серый жидкий свет только начал сочиться в небольшое окошко, я проснулся от внутреннего толчка, будто кто-то окликнул меня по имени. В доме стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь мерным, сытым храпом кучера где-то в другой комнате. Я, словно ночной воришка, бесшумно поднялся, чиркнул спичкой о коробок и осторожно зажёл фитиль керосиновой лампы. Оранжевый свет робко отвоевал у мрака пространство вокруг стола, лизнув корешок книги, той самой.

Рассвет застал меня за чтением. Я впитывал строки не глазами, а всем существом, словно жаждущий, нашедший в пустыне родник. Сухие, выцветшие чернила выводили слова и символы, которые оживали в сознании, складываясь в узор, поразительный своей простотой и сложностью одновременно.

«Эфирный импульс... не сила, но послание», – выцепил я фразу. И другую: «Воля, впечатанная в материю, обретает в ней подобие жизни».

Я оторвался от страницы, и взгляд мой упал на полку. Мои солдатики. Они стояли в безупречном строю, их крохотные оловянные лица были невозмутимы. Но в их молчаливой позе я теперь читал не просто послушание. Я читал осознанность. Они спасли мои скудные сбережения, по-

ка меня не было. Не просто выполнили команду, а оценили угрозу, спланировали отступление, исполнили его и доложили мне. Это был не просто рефлекс. Видимо годы регулярного магического воздействия на них не прошли даром.

Я нашел в книге сравнение, которое перевернуло всё: «... как пчела, получившая единожды указ от матки, продолжает свой путь, так и материя, воспринявшая волю, хранит её в себе, покуда не разрушится форма...»

Так вот в чём дело! Я уже не дергал их за ниточки, как кукольник марионетки. Я когда-то, в детской простоте, вложил в них семя – базовые принципы, а за годы они проросли, развились, обросли сложными алгоритмами. Они были уже не марионетками. Они были моими ментальными двойниками, заточенными в оловянные оболочки. Моими первыми, неизвестными даже мне самому, практически разумными миниатюрными големами.

Я вновь погрузился в изучение монографии. Благодарю высшие силы за сей пыльный клад, волей слепого случая закатившийся в дядюшкино чердачное захолустье. Жгучее любопытство грызло меня: откуда у почтенных Гороховых эта ценная книга? Но спросить – себя выдать. Да и не вижу смысла: раз она валялась среди рухляди, значит им не ведома ни её ценность, а возможно и сам факт существования.

И так я увяз в лабиринтах этого трактата (да, не побоюсь сего слова), что едва не прозевал пробуждение остальных жильцов дома. Лишь скрип двери да смутный гул голосов

внизу выдернули меня из сложных умозаключений. Словно грешник, застигнутый на месте преступления, я наскоро умылся ледяной водой, смывая с себя остатки ночных дум, и, на ходу застёгиваясь, ринулся вниз.

В столовой для прислуги уже собралась дворовая челядь, завтракали они до подъёма господ, к коим я, по странной прихоти судьбы, принадлежал лишь на бумаге. Эх, батюшка, слишком ты доверчив, слишком высоко ставишь своего непутёвого братца.

Воздух был густ от запахов свежего кваса и жареной картошки. Мне этого сейчас совсем не хотелось, и я спросил у Фёклы пирогов. Она отдала несколько вчерашних, но вполне мягких и душистых. Тем временем за столом, под аккомпанемент звяканья ложек, разворачивалась привычная мизансцена: Кузьма, с лицом, навечно искажённым брезгливой усмешкой, терзал дядю Фёдора.

– Она, скотина, – вбивал он своё мнение, тыча в пространство заскорузлым пальцем, – силу чуёт! Кто покрепче, тот ей и хозяин. А ты с ней словно с благородной девицей нюни распускаешь, делать тебе больше нечего!

Фёдор, не поднимая глаз от миски, тихо, но твердо возразил:

– Всякая тварь ласку помнит. Доброе слово и кошке приятно.

Слова его потонули в общем гуле. Взгляд Кузьмы, блуждавший в поисках новой жертвы, наткнулся на меня. Вид

мой, слегка отрешённый и задумчивый, видимо, резал ему глаз.

– А наш-то барин, – воскликнул он, и в голосе его зазвенел знакомый, ядовитый сарказм, – никак пригорюнился? Понимаю, труд-то простой, чёрный, не чета вашим бумагомараниям.

В другой раз я бы парировал его уколы, но сегодня ум мой был далеко – в дебрях теории, где эфирный импульс встречался с волей, а холодная материя обретала подобие жизни. Я уже видел, как сухие строки претворяются в дело, но для этого требовались время и кое-какие припасы. Потому, оторвавшись от своих мыслей, я, с ледяным спокойствием, повернулся к конюху:

– Вячеслав Иванович сегодня будет на заводе?

Кузьма опешил. Он явно ждал каких-либо оправданий или колкости в ответ, а не делового вопроса.

– Барин, – с нажимом выговорил он, – сегодня по делу важному отбывает на мануфактуру, что поставляет на завод... – Тут он запнулся, язык явно заплёлся о непривычный термин. – Важные детали, – сбивчиво выпалил он, – для государева заказа. А боле сказать не могу, не положено.

– Отлично, – отрубил я, мысленно уже продолжая свой внутренний диспут. Поднявшись, я обратился к Фёкле: – Благодарствую за пироги, Фёкла Петровна.

Женщина, не привыкшая к таким речам, смущенно потупилась. А Кузьма, наблюдая эту сцену, так и замер с подне-

сённой ко рту краюхой хлеба, будто подавился собственным злорадством.

Я же, не теряя ни секунды, стремительно вышел из столовой и почти что выпорхнул на улицу. Сердце билось в такт моим шагам. Впереди был целый день, и мне не терпелось прикоснуться к тайне, проверить новую идею на чём-то чистом, нетронутом, что ещё не было отмечено печатью моей или чьей-либо ещё воли.

Утро в Туле рождалось в золотистой дымке печных труб и запахе влажной от бриллиантовой росы мостовой. Я шагал бодро, вдыхая прохладу, и пальцы сами нащупали в кармане гладкий, отполированный временем камешек, что я подобрал у ворот. Сжав его в кулаке, я ощутил прохладу и твердость.

«Двигайся!», – мысленно скомандовал я, вкладывая в посыл всю силу воли, как когда-то в солдатику. Но камень оставался глух и нем. Моя воля, мой импульс, разбивался о его монолитную, первозданную простоту, как волна о скалу. Он был цельным миром, в котором не было щелей для моей команды. Слишком прост, слишком целен.

У старого водосточного желоба, с которого капала ночная влага, валялась щепка. Древесина. Материал с душой, с памятью о дереве. Я поднял её. Она была шершавой, испещренной прожилками. Закрыв глаза, я представил эти каналы, эти артерии. Послал импульс.

И – о чудо! – под пальцами я почувствовал не движение, а

лёгкий, едва уловимый трепет. Словно щепка вздохнула, вобрав в себя частичку моей воли, но не сумев её истолковать. Не хватило сложности внутреннего строения, как сказал бы инженер. Но искра была! Точно была, а значит направление верное.

Почти у самых ворот фабрики мой ботинок зацепил старый, заржавевший гвоздь, валявшийся в грязи. Я поднял его, стирая пальцами рыжую пыль. Металл, родственная солдатам стихия. Сжал, сосредоточился... и почувствовал! Не движение, а странный, слабый ток, пробежавший между пальцами, едва ли не зуд. Гвоздь откликнулся! Он был готов принять команду, но его убогая, примитивная форма не давала ему возможности её исполнить. Ему нечем было двигаться. Он мог бы, вероятно, нагреться... но это был уже иной путь.

Мысль озарила меня, как вспышка. Дело не только в материале, но и в сложности формы! Солдатык – это не просто металл. Это конструктор, идея, воплощённая в форме, которая уже подразумевает действие. Я не создаю действие из ничего. Я лишь пробуждаю его, а материя служит проводником.

Камень – глупец. Дерево – ученик. Металл – подмастерье. Но идеальный проводник... должен быть податливым, как воск, и способным принять любую форму. Как глина!

Рабочий день мой начался с предсказуемой прямоотой. Приказчик Мальцев, встретив меня тем же кислым взгля-

дом, что и накануне, молча махнул рукой в сторону угольного двора. Дескать, место твоё, барчук, там и прозябай.

Я не изобразил ни скорби, ни восторга. Для моих замыслов эта каторжная работа была бесполезна, способна разве что тело подкачать, да и то – криво и бестолково. Но личину смирения я надел прочно и, не проронив ни слова, спустился к ломовым. Пока что так, мой час придёт немного позже.

Та среда, что вчера встречала меня настороженным молчанием, сегодня была иной. Кивок. Ещё один. Кто-то из бородатых исполинов коротко буркнул: «С Богом!». Примитивное, но искреннее принятие в стаю. Переодевшись в замасленную робу, я без лишних раздумий влился в этот адский хоровод.

Руки сами находили ручку тачки, ноги увязали в угольной пыли, спина гнулась под тяжестью. Но ум мой был свободен. Я отрешался от мышечной боли, погружаясь в подобие медитативного транса. Дыхание выравнивалось, сердце билось ровно и мощно, и скоро я с удивлением заметил, что работа спорится куда быстрее, чем у иных старослужащих. Я не надрывался, я находил ритм, и это не осталось незамеченным. Взгляды, скользившие по мне, теряли насмешку и стали обретать нечто новое – смущённое уважение.

До обеда оставался час, и я решился на новый опыт. Моя «карета», сиречь тачка, была моим главным инструментом и главной же загадкой. Я уже понимал, что несколько материалов, сбитых в кучу, – дерево, сталь, бронза подшипника –

плохо «ладили» между собой, создавая хаос для моего эфирного импульса. Возможно, я и сам чего-то недопонимал.

Но я не сдавался. С каждым толчком, с каждым прикосновением к грубым деревянным ручкам, я посылал в них тончайшую волну воли. Я не пытался сдвинуть её магией – я пытался её осязать. И постепенно, сквозь мышечную усталость, стало проступать иное ощущение. словно мои пальцы обретали какое-то особенное, пронизывающее плотные вещества зрение. Я начал чувствовать материал.

Я ощущал зернистую, рыхлую структуру дешёвой стали обода. Чувствовал, где металл устал, где его слабости. И тогда моё внимание оказалось приковано к левому колесу. Там, в бронзовой втулке, скрывалась крошечная, невидимая глазу трещинка. Она была причиной едва уловимого, но раздражающего скрипа.

Идея пришла сама собой. Что, если не командовать, а... лечить? Если сталь – это плохой для моей магической энергии проводник, то, может, её можно не пробивать силой, а плавно насыщать?

Я изменил тактику. Вместо резкого импульса – упрямый, непрерывный поток, тонкий, как игла. Я не чинил трещину, я как бы уговаривал металл вокруг неё сомкнуться, перетечь, затянуть рану. Часы упорного труда стали одновременно часами незаметной, кропотливой работы. Я был и кузнецом, и целителем, вгоняющим свою волю в самую сердцевину материи.

И – о, чудо! К полудню скрип прекратился. Сначала едва заметно, затем вовсе исчез. Трещина не исчезла, но края её спеклись, спаялись невидимым паяльником моей воли. Это была микроскопическая победа, но для меня – целая открытая вселенная.

Из этого триумфа меня вывело тяжёлое похлопывание по спине. Я обернулся. Передо мной стоял Глеб, один из моих «коллег», его лицо, пропитанное угольной пылью, расплылось в одобрителной ухмылке.

– Ну, паря, – прохрипел он, – а ты, я смотрю, втянулся. Руки-то на месте, и спина не подвела. Ребята говорят – мужик выйдет.

В его словах не было лести, лишь констатация факта, заслуги, добытой тяжёлым трудом. И в этот миг я почувствовал нечто новое. Да, подчас так важно стать своим, пусть и в этом угольном аду.

Но это было ничуть не менее важно, чем починка подшипника.

Слова Глеба повисли в воздухе, и тут же нашли отклик.

– Слышь, Лёха, – окликнул меня бородатый исполин по имени Степан, тыча толстым пальцем в свою перекошенную тачку. – У меня эта колымага вторую неделю воеет, будто по покойнику. Глянь, умелец, может сдюжишь?

Это было уже не просто признание. Это было доверие. Я кивнул и подошёл.

Менять саму втулку было долго, да и инструмента нужно-

го не было под рукой. Пользоваться магией снова также не с руки, теперь придётся подключать смекалку.

Поставив тачку на козлы, я с задумчивым видом взялся за обод колеса и покачал его из стороны в сторону. Чувствовался небольшой, однако же заметный зазор.

Проверил заодно ось, не гнутая ли она, благо металлических отходов в виде прутков и арматурин тут хватало. Вращая само колесо, я присмотрелся к бронзовой втулке. С одной стороны, она была идеально гладкой, а с противоположной – виднелась глубокая выработка, почти жёлоб. Именно в этом месте стальная ось и била по разбитому колесу, вызывая тот самый истошный скрип.

– Степан, тут непросто, надо втулку новую ставить, – сказал я. Проблема, видимо, тут типовая, но не мог же я сейчас починить её как свою, с помощью магии, это будет слишком наглядно. – А пока давай вот что сделаем, глядишь, до вечера и хватит.

Степан, кряхтя, ухватил массивный гаечный ключ. Вдруг рядом возник Глеб.

– Эй, Степан, брось ты сам пытаться. Твоими медвежьими ручищами только ремонтировать самому. Сделай как парень велит, а завтра отдадим её ремонтёрам, пушай чинят, работа у них такая. – С притворной суровостью сказал он, отбирая у того инструмент. – Ты, Лёха, командуй.

Побродив по округе, я из кузнечного цеха принес промасленный обрывок кожи, благо, у кузнецов такое водилось. Но-

жом вырезал узкую полосу шириной с пару пальцев аккуратно проложил эту кожаную полосу между осью и внутренней поверхностью втулки и стал потихоньку насаживать колесо обратно на своё место. Пришлось повозиться, чтобы моя система не сбилась в этом процессе. Глеб со Степаном, затаив дыхание, оказывали посильную помощь, не задавая ни единого вопроса. При установке я осознанно на пару миллиметров сместил колесо, чтобы ось имела другое пятно контакта. Что ж, теперь осталось только хорошенько смазать.

– Вот, чёрт! – просиял Степан, качнув обновлённую тачку. – И правда, намного тише. Спасибо, браток. Значит, не только руки, но и голова на месте.

В этот момент с разгрузочной платформы донёсся испуганный возглас. Молодой паренёк, Ванька, не удержал перегруженную тачку, и её колесо съехало с дощатого настила, зарывшись по ступицу в рыхлую угольную пыль. Он отчаянно дёргал за ручки, но безуспешно.

Я, не раздумывая, бросился к нему, следом Глеб и Степан. – Брось дёргать! – скомандовал я. – Сейчас только глубже зароешь! Глеб, ты за колёсную арку поднимай. Степан, сбоку поддень ломом. Ванька, тащи за ручки, как только мы её сдвинем.

Мы вчетвером, как один механизм, упёрлись. Мышцы налились свинцом, из груди вырвался общий стон усилия. Тачка с противным чавканьем вылезла из пыльной ловушки.

– Вот... спасибо, – выдохнул Ванька, красный от стыда и

напряжения.

– Учись, молокосос, – буркнул Глеб, но похлопал парня по плечу. – Одному в нашем деле – смерти подобно.

С этого момента всё пошло иначе. Я стал не просто своим, а «Лёхой-умельцем». Кто-то просил глянуть на заевшую за-слонку вагонетки, кто-то – помочь рассчитать упор для особенно тяжёлой поковки. Работа спорилась не из-за магии, а из-за слаженности. Лопата, вовремя подставленная под груз; плечо, подставленное в нужный момент; короткая, понятная команда в общем грохоте. В этом был свой, грубый и простой, но абсолютно искренний покой. И своя честь, которую здесь не выдавали с формуляром о дворянстве, а зарабатывали потом и кровью.

Работа закипела с новой силой. Мы с Глебом и Степаном организовали что-то вроде конвейера: я и Ванька грузили, они отвозили. Ритм задавал Степан, периодически покрикивая: «Давай, давай, поддай!» или «Эй, на том конце, не зевай!». В воздухе висела не только угольная пыль, но и своеобразное братство, спаянное общим потом.

Именно в этот момент, сквозь золотистую дымку поднимавшегося от нагретых котлов пара, я и заметил знакомую фигуру. Борис Петрович шёл через двор неспешно, но целеустремлённо, словно ледокол, уверенно рассекающий ледяной покров. Его цепкий взгляд скользнул по работающей бригаде и почти сразу же остановился на мне. Он не стал кричать, чтобы позвать меня. Он просто подошёл и встал ря-

дом, дожидаясь, когда я оторвусь от тачки.

Я закончил загрузку, выпрямился, смахнул рукавом пот со лба, оставив на нём очередную грязную полосу.

– Данилов, – его голос прозвучал негромко, но ясно, перекрывая общий шум. Я обернулся. – Извини, что не подошёл раньше, – продолжил он, и в его глазах читалась неподдельная усталость. – На совещании у директора проторчал полдня. Эти бумагомараки без нас, мастеров, решить ничего не могут, а потом удивляются, почему план срывается. – Он сделал шаг в сторону и внимательно, как хирург, осмотрел стоящую рядом тачку. – А это что за тишина? – в его голосе прозвучало лёгкое, почти профессиональное любопытство. – Утром, помнится, скрипела на всю округу, будто её режут, а теперь – ни звука. Как добился? Поделишься секретом?

Рядом притихшие Глеб со Степаном делали вид, что не слушают, но уши их, казалось, вытянулись в нашу сторону.

В голове молнией пронеслись возможные варианты. Рассказать, что я уговаривал металл? Меня бы подняли на смех, а то и списали с фабрики как выжившего из ума. Нет, нужна была простая, железная логика инженера, пусть и начинающего.

Я изобразил лёгкую смущенность, почесал затылок, будто вспоминая незначительный эпизод.

– Да ничего особенного, Борис Петрович, – начал я, опустив взгляд на злополучное колесо. – Вчера, под вечер, когда разгружался, приметил. Скрип был не постоянный, а только

когда тачку под определённым углом катишь, и нагрузка на левую сторону идёт.

Я присел на корточки и повертел колесо рукой, приглашая его взглядом присоединиться. Борис Петрович, скрестив руки на груди, внимательно наблюдал.

– Посмотрел я тогда на втулку, – продолжил я, проводя пальцем по ступице. – Вижу, с одной стороны бронза сильнее лоснится, значит, трение там неравномерное. Подумал, что ось, возможно, чуть погнуло от удара, или сама втулка разбилась не по окружности, а с одного бока. Решил попробовать не менять её, а просто сместить точку трения. Ну а дальше...

Я закончил и посмотрел на Бориса Петровича, стараясь сохранить на лице выражение скромного ожидания оценки.

Начальник цеха несколько секунд молча смотрел то на меня, то на колесо. Потом его лицо медленно расплылось в одобрительной улыбке. Он коротко хмыкнул.

– Соображаешь, – констатировал он, и в этом одном слове был целый том похвалы. – Глазастый и смекалистый. Многим бы на их месте проще было новую втулку требовать, а ты головой подумал. Это ценно. – Он выдохнул, и его лицо снова стало серьёзным, деловым.

Он молчал, изучающе глядя на меня, и в его взгляде читалась неподдельная досада.

– Жаль, сейчас тебя в механический не возьму. Лаврентий Матвеевич с утра к поставщику уехал, а без него бумаги не

подпишут. Пустая формальность, конечно, а дело тормозит. Знаю, что тут, на угле, не сахар. Но потерпи, парень. Главное – начало положено. Я своё слово сдержу, как только он появится. А то, знаешь ли, если самовольно тебя перевести, он потом такую канитель устроит, что мало не покажется.

– Я понимаю, Борис Петрович, – кивнул я, стараясь, чтобы в голосе звучала не разочарованность, а спокойная деловитость. – Спасибо, что посчитали возможным. Я привычный, а пока буду здесь работать, дел хватает.

Мастер коротко, по-солдатски кивнул, бросил напоследок оценивающий взгляд на мою «подлеченную» тачку и развернулся, зашагав прочь в сторону механического цеха, его силуэт быстро растворился в фабричной сутолоке.

Я повернулся обратно к угольной куче. Воздух вокруг будто замер. Глеб, Степан и Ванька смотрели на меня с новым, сложным выражением на лицах. Теперь это было выражение любопытства, смешанного с уважением. С ним говорил сам Борис Петрович, и говорил на равных.

Первым нарушил паузу Глеб. Он молча протянул мне мою лопату, которую я поставил у колеса, пока разговаривал с начальником.

– Ну что, Лёха-умелец, – произнёс он без тени насмешки, скорее с одобрением. – Приняли в спецы, значит. Только пока, выходит, ещё и за нас, чернорабочих, поработать придётся.

– Не за вас, а с вами, – поправил я его, принимая лопату.

В моих словах не было попытки угодить, лишь констатация факта. – Пока не перевёл Мальцев, я ваш. А значит, давайте, ребята, не прохлаждаться! Эту гору до конца смены одолеть надо!

По рябым физиономиям Степана и Глеба проползли довольные ухмылки. Им понравился этот тон – уважительный, но без заискивания, с ноткой общего дела.

– Точно, барин нам тут не указ! – с притворной суровостью проворчал Степан и с новым рвением вонзил лопату в уголь. – Давайте, разбегайтесь, кому невольно!

Работа закипела с удвоенной энергией. Но теперь в ней появился новый, едва уловимый оттенок. Ко мне стали обращаться не только за помощью, но и за советом. Я отвечал коротко, по делу, опираясь на логику и базовое понимание механики. Странное дело – осознание того, что этот каторжный труд временный, не делало его легче физически, но зато придавало ему новый смысл. Каждый удар лопатой, каждый толчок тачки был теперь не просто наказанием, а шагом, который меня здесь закреплял, но одновременно и приближал к выходу из этой угольной преисподней.

Последний гудок срезал напряжение рабочего дня, как нож. Я, не теряя ни секунды, ринулся к фабричной «душевой». Опыт вчерашнего разочарования с холодной водой и грязью был ещё свеж. Но на подходах к моечной меня ждал сюрприз.

Возле работающих душевых уже сгрудилась небольшая

толпа. Но это не была хаотичная давка. Сложилась чёткая, негласная иерархия. Несколько моих «коллег» по угольному двору – Глеб, Степан и ещё пара таких же исполинов стояли впереди, создавая живой барьер. Они не грубили, не толкались, просто их массивные, запорошённые углем фигуры и спокойные, уверенные взгляды не оставляли сомнений, кто здесь сейчас главный.

Когда я подошёл, Глеб, стоявший кучерявым затылком к толпе, будто почувствовал моё приближение. Он обернулся, кивнул мне и властно махнул рукой в сторону воды.

– Проходи, Лёха, место есть.

Я сделал шаг вперёд, но в тот же миг какой-то долговязый слесарь из сборочного цеха попытался протиснуться к кабинам впереди меня.

– Эй, я первый тут был! – буркнул он.

Реакция последовала мгновенно. Степан, не говоря ни слова, просто развернулся к нему во весь свой немалый рост. Он не делал угрожающих жестов, просто его тень накрыла слесаря, а низкий, грудной голос пророкотал:

– В порядке общей очереди, дружок. Наши всю смену в угле горбатились, им и карты в руки. А ты чистенький, и обождать можешь немного.

Слесарь, пробормотав что-то невнятное, отступил. Глеб в это время хлопнул меня по спине, уже мокрой от первых брызг.

– Ну что же ты, Алексей, от коллектива отбиваешься? –

сказал он без укора, но с лёгкой отеческой укоризной, перекрывая шум воды. – Мы тут, ломовые, в пыли и смраде целый день дышали. Легкие, глянь, чёрные. Негоже нам, как щенкам, в очередях трястись и друг на друга огрызаться. Мы своё отработали, нам и вперёд.

Он говорил это с таким простым, неподдельным достоинством, что спорить было невозможно. Так, незаметно для себя, я оказался в самом эпицентре своеобразной «рабочей аристократии» – тех, чей каторжный труд давал им моральное право на первую порцию живительной влаги и на уважение в этом жестоком, но честном мире.

Я встал под более насыщенную и тёплую струю, чем это было в прошлый раз. Рядом, плечом к плечу, мылись Глеб и Степан, смывая с себя не просто грязь, а слой прошедшего дня. Вода, стекавшая с их спин, была густо-чёрной. В этом не было ничего унижительного, то была цена их труда.

Чистые и уже почти сухие, мы вышли из душевой на прохладный вечерний воздух. Отмытая кожа приятно пощипывала. Глеб, Степан и ещё пара ребят нашей бригады остановились, будто по команде. Глеб уставился на заходящее солнце, багровое сквозь дым фабричных труб.

– Ну что, мужики, – обвёл он всех довольным взглядом, – айда, пропустим по стаканчику? Грязь изнутри выполаскивать пора! – Он хитро подмигнул. – Сегодня, можно сказать, в ударном темпе поработали. Заработали. Алексей, ты с нами? Без тебя как-то не то.

Все взгляды устремились на меня. В них не было давления, скорее – простое ожидание. Это был ещё один ритуал принятия. Согласиться – значит поставить окончательную точку в своём «посвящении». Отказаться – снова отгородиться, остаться чужаком, пусть и уважаемым.

Я сделал шаг вперёд. Не извиняющийся, а уверенный.

– Ребята, спасибо за приглашение, честно, – начал я, глядя им в глаза по очереди. – Но я, пожалуй, пас.

В воздухе на мгновение повисло лёгкое разочарование.

– Да ладно, Лёх, – начал было Степан, – один разок можно...

Но я аккуратно, но меж тем твёрдо перебил:

– Не в этом дело. Не привык я к этому, с детства не приучен. Да и, если честно, голова после сегодняшнего дня и так гудит, как тот паровой котёл. Хочется тишины. Да и дела кое-какие есть, неотложные. Так что вы уж не судите строго.

Я не соврал. Книга, спрятанная под матрасом, жгла мне душу куда сильнее любого спиртного. Мужики допытывать не стали. Глеб, хитро прищурившись, хмыкнул и хлопнул меня по плечу уже по-дружески, без своей привычной тяжести.

– Деловой у нас! Учёный человек, ему, видать, конспекты перебирать, – он подмигнул остальным. Ребята заулыбались. В их взглядах не было обиды, лишь понимание и та самая снисходительность, которую проявляют к младшему, но своему. – Ладно, иди, коли дела. Завтра на работу не просп!

– Не просплю, – улыбнулся я в ответ. – Спасибо ещё раз. За всё.

Я кивнул на прощание и повернул в сторону дома. Со спины я слышал, как они, перебрасываясь шутками, пошли в сторону дешёвой забегаловки. И странное дело – я не почувствовал себя отщепенцем. Я был своим, но со своей, отдельной жизнью. И это пока что всех устраивало. Как никак, в одной бригаде работаем, плечом к плечу. А сколько мне в ней быть – ещё неизвестно. Но сегодняшний день доказал главное: здесь мне есть на кого положиться. И это знание стоило дороже любой выпивки.

Воздух вечера был прохладен и свеж после фабричной смрадной жары. Я не спеша брел по тихой, почти безлюдной улице, ведущей к дому Гороховых, мысленно возвращаясь к прочитанному в книге. Улица делала плавный поворот, огибая глухую стену какого-то склада, лишённую окон. Именно здесь, в этом искусственно созданном уединении, из-за угла вышли они.

Трое. Но не уличные хулиганы в заплатках, а те самые «золотые» юнцы во главе с Аркадием Меньшиковым. Они вышли не с наскоком гопоты, а с холодной, твёрдой уверенностью, просто перекрывая дорогу. Меньшиков, в тонком щегольском пальто, стоял чуть впереди. Его спутники, двое крепких и гордых собой парней, встали по бокам, отрезая пути к отступлению. Засада, причём идеально рассчитанная.

– Ну что, парниша, – голос Меньшикова был тихим, по-

что ласковым, но в нём звенела острая сталь. Он обвёл меня насмешливым взглядом, с головы до ног, задерживаясь на следах фабричной грязи на ботинках. – Вчера ты был не один, потому и такой борзый. С местными гопниками успел по-братски подружиться, это похвально. – Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание. Они знали, за мной следили. – А как насчёт сейчас поговорить? Без посторонней помощи. По-честному.

Он не угрожал прямо. Он констатировал факт моего одиночества. Его спутники ещё отошли по сторонам, готовясь в любой миг заблокировать мои движения. Я стоял, сжимая кулаки в карманах, чувствуя под пальцами шершавую поверхность того самого камешка. Тишина на пустынной улице стала оглушительной.

Я медленно поднял голову и встретился с ним взглядом. В углах моих губ дрогнула тень улыбки, вовсе не дружелюбной.

– А вы, Аркадий, – произнёс я спокойно и уверенно, без тени паники и сомнений, – всегда только на троих «по-честному» разговаривать любите?

Глава 5

Мысленно я поблагодарил судьбу за часы, проведённые в угольном аду – тело, хоть и уставшее, было собранным, мышцы помнили напряжение. Но против троих... Логика, холодная и безжалостная, шептала, что шансов нет. Но я уже давно перестал верить в одну лишь логику.

Его уверенность дрогнула лишь на миг, внезапно сменившись вспышкой гнева. В его глазах мелькнуло раздражение, мгновенно сменившееся холодной яростью. Он ждал страха, заискивания, а получил укол. Именно этого он и не мог стерпеть, когда грязь под ногами вдруг ответила ему с презрением равного.

– Ценю время, парень, – отрезал он, и ласковости в голосе как не бывало. – И не люблю, когда всякая шваль считает себя умнее. Сейчас мы это и исправим.

Один из его «дуболомов»-телохранителей, тот, что был пошире в плечах, не дожидаясь команды, сделал выпад. Движение было грубым, силовым – схватить, скрутить. Вчерашний я, возможно, попытался бы парировать. Сегодняшний – просто отшатнулся на полшага, пропуская его мимо, и лёгким, точным движением стопы послал его по инерции вперед. Тот, не ожидая такого, с громким чавканьем шлёпнулся в лужу размокшей грязи.

Третий, до этого стоявший в стороне и явно считавший

происходящее развлечением, выпрямился, его ухмылка сменилась настороженностью. Теперь он смотрел на меня не как на дичь, а как на равного противника. Игра усложнилась.

Тишина стала еще оглушительнее. Я стоял, слегка склонившись в боевой стойке, которую на деле не использовал много лет, но которая была выгравирована в мышечной памяти моего прошлого «я». В кармане ожидали своего часа гладкий камень и холодный, шершавый гвоздь.

Меньшиков смотрел на меня уже без тени насмешки. В его глазах загорелся неподдельный, звериный интерес. Он понял, что я не просто щенок, которого можно затравить.

– Интересно, – прошипел он. – Очень интересно...

И в этот момент его второй спутник, стоявший и до этого сохранявший спокойствие, рванулся ко мне сбоку. Да и сам Меньшиков, сбросив с себя пальто и бесцеремонно швырнув его в сторону, пошёл в лобовую атаку. Игра в кошки-мышки была окончена. Началась настоящая схватка.

Время словно замедлилось. Мозг, отбросив всю шелуху, работал с расчётливой, почти машинной эффективностью. Двое. С разных сторон. Тощий – слева, быстрый. Меньшиков – по центру, с размаху. Не блокировать – слишком разная масса, лучше уворачиваться.

Третий, тот, что упал в лужу, только начинал подниматься, отплёвываясь от грязи. Теперь против меня снова будет трое, и двое из них двигались синхронно.

Широкий медленно шёл на захват, рассчитывая зажать

меня в свои медвежьи объятия. Второй спутник, тот, что пошустрее, заходил с другого фланга, пытаясь отрезать мне пути отступления. Я позволил ему приблизиться на полшага, затем резко присел и развернулся на пятке, пропуская его мощные руки мимо своего виска. Вращаясь, я локтем с силой вогнал ему в ребра – не чтобы сломать, а чтобы вывести из равновесия и выбить воздух. Он тяжело ахнул и отпрянул в сторону. Но не упал, крепкий, зараза.

И в этот миг я почувствовал, как воздух рассекается справа. Меньшиков. Он не просто бил – он рубил ребром ладони, целясь в шею. Удар был стремительным и смертельно опасным. Мне удалось отклониться, но не до конца. Раскалённая игла боли вонзилась мне в ключицу, отдавая в зубы. Я отлетел к закопчённой стене склада, и весь воздух с силой вырвался из лёгких. Голова от боли словно взорвалась в висках.

Так. Грубая сила – не вариант. Они сильнее, и их трое. Хотя и двоих не удержать.

Я, тяжело дыша, прислонился к холодному кирпичу. По лицу стекала струйка пота, смешиваясь с дорожной пылью. Парни снова смыкались, и в их глазах я видел уже не просто желание побить, а холодную решимость сделать это основательно, сломать меня. Мысль о том, что все мои планы, все знания, весь этот хрупкий путь к могуществу могут оборваться здесь, в вонючем переулке, от рук упитанных недорослей, вызвала у меня чёрную, бездонную ярость. Она заполнила меня, выжигая все прочие чувства дотла.

И в этой ярости родилось решение. Я не мог победить их мускулами. Но у меня было другое оружие. Материя и воля.

Пока они переглядывались, решая, кто будет добивать, моя левая рука снова сжала в кармане гвоздь. Не камень — он был слишком прост, слишком монолитен. А вот гвоздь, ржавый, шершавый, но уже откликнувшийся утром. Я не пытался заставить его двигаться. Вместо этого, я вложил в него всю свою сконцентрированную злобу, всю боль от удара, всю волю к сопротивлению. Я представил его не куском железа, а острием, иглой, жалом. И послал не команду, а один-единственный, точечный, режущий импульс: «БОЛЬ!».

На долю секунды мир сузился до ржавого острия. Я почувствовал, как нечто — не сила, а скорее воля, выжатая из самых глубин моего существа, тонкой, невидимой нитью перетекла из моих пальцев в холодный металл. В висках застучало, в глазах слегка потемнело. Цена даже за такой крошечный акт воздействия была ощутимой.

Я не бросил его в противника. Это как раз было бы бесполезно. Вместо этого, я резко выдернул руку из кармана и, делая вид, что отталкиваюсь от стены, швырнул гвоздь под ноги наступающему широкому. Железка упала в грязь, никем не замеченная.

Широкий, уже почти оправившийся и частично стряхнувший с себя грязь, с презрительной усмешкой сделал следующий шаг. И наступил на гвоздь ботинком.

Эффект превзошел ожидания. Он не просто вскрикнул от

неожиданности. Он завизжал – высоко, по-бабьи, и отскочил, хватаясь за ногу, будто его укусила гадюка. Гвоздь, казалось, не мог бы пробить подошву. Но мой ментальный укол, резонируя с металлом, был воспринят его нервной системой как внезапный, пронизывающий удар тока, острейшую рану, входящую глубоко в плоть. Он не понимал, что произошло. Он лишь чувствовал дикую, необъяснимую боль.

– Что ты, чёрт тебя побери, сделал? – просипел подранок, с ужасом глядя на свою ногу, словно из неё торчало ржавое остриё, но оно так и валялось в грязи и на нём не было ни кровинки.

Меньшиков на мгновение замер, его уверенность дала трещину. Он не видел никакого оружия. Только гвоздь в грязи. Но реакция его бойца была слишком настоящей.

– Что это было? Ты... что, стрелял?! – Меньшиков на мгновение отступил, его взгляд лихорадочно забегал по окружающим крышам, ища несуществующего стрелка.

В его голосе впервые прозвучала не злоба, а растерянность, граничащая с паникой. Его мир, где всё решали кулаки, а в большей степени деньги и положение, дал трещину.

Пауза, купленная гвоздём, длилась не более трёх секунд. Но для меня, чьё сознание работало на пределе, это была вечность. Я видел, как мозг Меньшикова пытался обработать абсурд происходящего: его громила, который мог скрутить подкову, теперь хромал и смотрел на свою ногу с суеверным ужасом. В глазах Аркадия мелькнуло не просто недо-

умение, а тень настоящего, животного страха перед непонятным. И это было моим шансом.

Они сильнее. Но их сила привыкла давить грубо и прямо. Они не готовы к войне на другом поле.

Меньшиков опомнился первым. Его взгляд, остекленевший от ярости, вытравил последние сомнения.

– Ванька, хватит нюнить! Он нас морочит! – рывкнул он, и сам ринулся на меня, уже без всякой хищной элегантности, а с тупой, прямолинейной злобой.

Я отскочил, чувствуя, как боль, словно раскаленный гвоздь, в моей ключице впивается всё глубже. Спинай я ощутил скользкую, частично покрытую мхом стену склада. Отступать было некуда. Ванька, продолжая хромать, снова начал заходить слева, чтобы прижать меня. Его лицо исказила гримаса ненависти – он уже не просто выполнял приказ, он мстил за непонятный, унижительный страх.

Их двойной охват был почти неизбежен. Но почти – не значит совсем. Мой взгляд упал на землю под ногами. Колея, полная жидкой, почти чёрной грязи, в которую я чуть не угодил. В ней валялись осколки кирпича, плавали щепки да прочий мусор. Хаос. Бесформенная, податливая масса.

Мысль о камне, холодном и цельном, промелькнула и исчезла. Он был бесполезен. Но это... Это было иное.

Ванька сделал решающий выпад, его мощная рука потянулась схватить меня за горло. Я не стал уворачиваться. Вместо этого, я резко присел, уходя от захвата, словно споткнув-

шись, и моя правая рука с силой врезалась в жижу. Пальцы сомкнулись не на твёрдом предмете, а на комке холодной, вязкой грязи.

Я ощутил её структуру – песчинки, мелкие камешки, влажную, податливую глину. Это был не просто комок земли. Это был хаос, который я мог обуздать. В отличие от монолитного камня, грязь была полна возможностей, она ждала команды.

И в тот же миг я послал в неё импульс. Не тот, что был с гвоздём – точечный и острый. Нет. Это был разлитый, широкий, примитивный посыл. Приказ не «ДВИГАЙСЯ», а «ЗАЛЕПИ! ОБЛЕПИ! ЗАДУШИ!». Я не пытался анимировать грязь, лишь пытался зарядить её своим отчаянием и яростью, превратив в оружие психологической войны.

Когда Ванька, промахнувшись, попытался сохранить равновесие, я с силой швырнул ему в лицо этот комок.

Но это был не только бросок. Грязь не просто шлёпнулась ему на лицо. Она будто обрела собственную, хоть и короткую жизнь. Она не просто испачкала, она облепила его с невероятной силой, густо и плотно, мгновенно залепив глаза и заблокировав рот и нос влажной, удушающей массой. Он захлебнулся, его боевой рёв превратился в булькающий, панический хрип. Он отпрянул, совершенно слепой, отчаянно пытаясь руками содрать с себя этот необъяснимый, живой панцирь из грязи.

Но времени на дальнейшее наблюдение не было. Меньши-

ков уже был передо мной. Его удар, направленный в солнечное сплетение, я парировал предплечьем, и кость отозвалась глухой болью. Боль пронзила всю руку. Физически он был сильнее меня, намного сильнее. И теперь он бил на поражение, понимая, что все эти странности отнюдь не случайны.

– Колдун ты что ли деревенский? – просипел он, пытаясь схватить меня за волосы.

Я рванулся назад, споткнулся о ту же колею и рухнул на одно колено. Рука снова ушла по запястье в жижу. И снова – импульс. Теперь в саму лужу. Не в комок, а в площадь. «ЦЕПЛЯЙ! ТОРМОЗИ!»

Меньшиков, сделавший следующий шаг, вдруг почувствовал, что его начищенные туфли будто приросли к земле. Он не увяз по-настоящему, нет. Но его уверенный шаг споткнулся о внезапную, аномальную вязкость под ногами. Он взглянул вниз с долей секунды недоумения – и этого было достаточно.

Я поднялся с колена. Не как побеждённый, а как охотник, нашедший, наконец, слабость зверя. В кармане в моей левой руке снова лежал камень. Гладкий, холодный, непокорный. Я не посылал в него импульс. Я просто сжал его, чувствуя его твердость, его пассивное сопротивление. И в этот миг он стал символом силы.

Я посмотрел на Меньшикова, и впервые за всю эту стычку я увидел в его глазах не злость, не ненависть, а чистый, неприкрытый страх. Он столкнулся не с жертвой, а с чем-то

неопознанным, перед чем его грубая сила была бесполезна.

Ярость Меньшикова, подпитанная страхом, однако достигла точки кипения. Он больше не был холодным аристократом – теперь это был разъярённый бык, готовый растоптать всё на своем пути. Его очередной выпад был слепым и мощным, но лишённым какой-либо техники. Я снова ушёл в сторону, чувствуя, как его кулак прошёл совсем рядом с моей щекой.

Он теряет голову. Это хорошо. Но его сила от этого не уменьшается. Один прямой удар и мне конец.

Мой взгляд метнулся по сторонам, выискивая новое оружие, новую точку приложения воли. И я увидел её. Старый, ржавый водосток, отходивший от стены склада. Одна из его железных скоб, державших трубу, почти оторвалась и торчала под углом, напоминая звериный клык.

Идея родилась мгновенно. Я не стал рвать её магией, металл был слишком массивен. Но я мог сделать другое.

Отступая под градом бессистемных ударов Меньшикова, я подвёл его к этому водостоку. Он, ослеплённый гневом, не замечал ничего вокруг, кроме моей фигуры.

– Стоять, мразь! – рычал он, пытаясь поймать меня в углу.

В этот миг я послал импульс. Не в скобу, а в стену вокруг неё, в старые, сыпучие кирпичи, в которые она была вкручена. Я не пытался их разрушить. Я представил их структуру – довольно рыхлую, крошащуюся. И послал тончайшую, вибрирующую волю: «РАССЫПЬСЯ!»

Эффект был не мгновенным, но весьма ощутимым. Из-под скобы посыпалась мелкая кирпичная пыль, а сам железный «клык» с противным скрипом накренился ещё сильнее.

Меньшиков, делая очередной размашистый удар, не рассчитал расстояние и задел плечом этот выступ. Этого оказалось достаточно. Ослабленная скоба с глухим металлическим стоном окончательно вырвалась из стены и с грохотом упала ему на плечо, не причинив, правда, серьёзной травмы, но оглушив и отбросив его в сторону. Он вскрикнул больше от неожиданности и унижения, чем от боли.

– Ты... ты... – он не мог подобрать слов, отряхивая с плеча ржавчину. Его ярость достигла пика. – Я тебя сломаю! Руки! Ноги! Будешь ползать!

Он снова пошёл на меня, но теперь его движения стали более осторожными и расчётливыми. Он начал понимать, что окружение играет против него. Ванька наконец содрал с лица большую часть грязи, отплевываясь и хрипя. Теперь против меня было двое почти полнокровных бойцов, и один из них – оскорблённый и осторожный Меньшиков.

Положение стало критическим. Два против одного, в узком пространстве. Мои силы были на исходе, ключица горела огнём, а ментальная энергия, затраченная на импульсы, оставила в голове тягучую, звенящую пустоту.

Отступать. Нужно отступать. Но как?

И тут мой взгляд упал на валявшуюся у стены старую, поломанную деревянную тачку – такой же символ этого места,

как и ржавый водосток. Её колесо было сломано, но сама конструкция ещё держалась.

Я отскочил к ней, преследуемый двумя теньями. Меньшиков и Ванька двигались синхронно, отрезая мне пути к отступлению. Я наклонился, делая вид, что хочу поднять тачку и швырнуть её в них. Это был блеф.

Но Ванька, наученный горьким опытом, инстинктивно отпрянул. Меньшиков же, наоборот, ускорился, решив, что я загнан в угол и уже отчаялся.

И в этот момент я послал свой последний импульс. Но не в тачку. В ту самую лужу, что была перед ней. Но на этот раз – иначе. Я сконцентрировался не на всей луже, а на её поверхности. Я представил её не липкой, а... зеркальной и гладкой. Я послал команду не «ЛИПНИ!», а «ОТРАЗИ!».

Я, естественно, не менял физические свойства воды. Это было бы для меня сейчас невозможно. Но я изменил то, как свет падал на её поверхность, создав на мгновение иллюзию идеально ровного, скользкого льда. Иллюзию, усиленную моей волей.

Меньшиков, бежавший на меня, увидел под ногами не грязную лужу, а внезапно появившуюся блестящую, опасную поверхность. Его мозг, уже настороженный странностями, среагировал мгновенно. Он инстинктивно попытался затормозить, и поскользнулся на самом деле – ведь лужа была скользкой и без магии – и, тяжело рухнув на одно колено, выругался.

Этой секунды мне бы хватило, но я не стал его добивать. Было достаточно, что я заставил их усомниться в своей силе. Это была тактическая победа. И урок для меня. Один из самых важных уроков: моя магия – это не штурмовой молот, это скорее ломик, который можно вставить в трещину реальности и перевернуть всё с ног на голову.

Они замерли, образуя полукруг. Меньшиков, все ещё на одном колене, тяжело дышал, его сюртук был испачкан грязью и ржавчиной. Ванька стоял чуть позади, его взгляд метался между мной и своим патроном, полный животного страха перед непонятным. Третий, тот самый Широкий, только сейчас начал приходить в себя, балансируя на здоровой ноге.

Я стоял, опираясь спиной о холодную стену, пытаюсь скрыть дрожь в ногах, вызванную выбросом магической силы. Ключица пылала огнём, левая рука почти не слушалась. Запас ментальной силы был исчерпан до дна. Но отступить было некуда – они перекрыли единственный выход из переулка.

И тогда я пошел ва-банк.

Вместо того чтобы готовиться к обороне, я выпрямился. Боль пришлось отодвинуть в самый дальний угол сознания. Я медленно, с преувеличенным спокойствием, стряхнул с руки налипшую грязь. Движение было неестественно плавным.

– Ну что, Аркадий? – мой голос прозвучал глухо, но аб-

солютно ровно, без тени напряжения. — Устал? Или просто понял, что твои деньги и связи не могут разбить мою голову о стену?

Он поднял на меня взгляд, полный ненависти. Но в глубине его глаз читалось нечто новое — растерянность. Он не понимал, почему я не бегу, почему не умоляю о пощаде.

— Я тебя... — начал он, пытаясь подняться.

— Заткнись, — отрезал я, и в этих словах не было крика, звучала только ледяная сталь. Я сделал шаг вперёд. Всего один. Но этого хватило, чтобы Ванька инстинктивно отпрянул. — Ты проиграл. Ещё до того, как вошёл в этот переулок. Потому что ты думал, что имеешь дело с мальчишкой. А я оказался вовсе не тем, на что ты рассчитывал.

Я смотрел на Меньшикова, который наконец поднялся, опираясь на стену. Мы стояли в двух шагах друг от друга. Я видел капли пота на его висках, мелкую дрожь в руках. Его моральный дух был надломлен. Оставалось лишь добить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.